

**О НИХ НАША БОЛЬ
И ПЕСНЬ.**

С. ЕСЕНИН

№ 21 НОЯБРЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

мечал очень у многих секретарей районов. Причем чувствовалось, что люди хотят не просто системы работы, а такой системы, которая была бы гениально проста. Третья огромная умственная и физическая усилия на технику дела, комсомольские работники не могут не сомневаться об этих усилиях, поскольку понимают, что сама по себе процедура зачета — это все-таки нечто не первостепенное в жизни молодежи и в деятельности района, нечто вторичное. Тратить силы на процедуру «зачтена», не оставляя или оставляя их слишком мало на сам процесс познания, — представлять себе, что так работают бы люди. Можно лишь поманять выпускников его!

Нет, секретарь района, сознательно или подсознательно, но мыслит простой, четкой, экономической системой, связанной с процедурой зачета — может быть, поэтому звучат присылки к высшестоящим комсомольским органам: «Дайте рекомендации!» Анкета, распространенная на семинаре в Ташкенте, подтверждает это: все идет по рекомендации, придем на научном основе.

На семинаре выступил аспирант из Высшей комсомольской школы Борис Усманов. Из фанерных цитат рядом с трибуной он развесил с десяток листов ватмана: таблицы, графики. А смысл его сообщения: «Вы хотели системы зачета? Вот оно-то!»

Борис Усманов рассказал о том, что на его кафедре разработана система «показателей активности участников Ленинского зачета». Он сказал, что нужно еще год или два, чтобы дать окончательные рекомендации, рассказал о проводимых экспериментах. Но после его выступления кое-кто из секретарей уже переписывал с листов «показатели» себе в блокноты — так велико желание людей поскорее получить что-то определенное и по возможности на все случаи жизни.

Итак, из сообщения Усманова возникла следующая картина. Вся деятельность комсомольца — участника зачета — оценивается системой показателей. Это были показатели социальной активности — можно представить, какой интерес вызвал человек, который сказал: «Я знаю, какого оценивать!» Усманов на семинаре был нарасхват. Для рабочей молодежи им была предложена такая схема: трудовая активность, общественно-политическая активность и «другие виды социальной активности». Трудовая активность, к примеру, делится на десять «показателей»: выполнение производственных планов, участие в борьбе против безработицы, ответственность, повышение квалификации и т. д. И тот или иной показатель оценивается определенной «степенью», скажем, «высокой активностью» или «активностью выше среднего», «средней» или «ниже среднего» и, наконец, «низкой».

Вот, допустим, комсомолец оценивается по участию в научно-техническом творчестве. Если он «инициатор рациональных активностей» работает в штате новой техники НИТМ, ОКБ и т. д., то активность его считается «высокой», и он получает «четыре очка». А если он участвует в «активной деятельности», то у него «низкая активность» и, значит, «одно очко». Под лучом «показателей» и «степе-

ней» возникает своеобразный рентгеновский снимок личности. Борис Усманов сказал, что кафедра разрабатывает и единый документ — сводный «бланк», позволяющий оценить человека. В этом бланке будет картина по всем двадцати пяти показателям активности. Кафедра путем экспериментального опроса показала, что довольно исчерпывающий набор для характеристики комсомольца.

С Борисом спорили некоторые слушатели. «Нельзя — говорим они — различить человека, систематизировать!» Усманов парировал их доводы: «Надо именно различить! Нельзя говорить вообще — хорошо работает, плохо...»

Он рассказал любопытный эпизод из практики своего эксперимента... К комсоргу цеха пришел за характеристической паренком. Комсорг сказал ему: «Хорошо, приходи через час» — и отрял «бланк с показателями». Это был тот самый цех, где Борис Усманов проводил свой эксперимент и где комсорг мог судить о своем рабочем не вообще, а имея в руках «критерий» Борика, и был научен сравнению с ним. И вот он ступил «бланк», заведенный на имя самого парня, и через час характеристика была готова. Паренек вернулся, взглянул на нее и растерялся. «Это что-то не то...» — сказал он. «Ван не то!» — спросил комсорг. — «Смотри!» — и показал комсомольцу «степень» его активности по всем двадцати пяти показателям — и по группе «трудовой», и по группе общественно-политической, и по прочему. И даже вычеркнул ему его собственный график, который был ниже остальных у комсомольца. «Вот ты такой и такой», — сказал секретарь. — «Я тебе это в характеристику и написал. Комсомолец замаялся, покраснел: «Да, все это так... Но нельзя ли получить в прошлом году вы мне по-другому писать».

Любопытный пример. Не так ли? Комсорг получает из рук Борика Усманова нечто твердое, определенное, я бы сказал: исчезает неопределенность, а с ней и стыд и нечестивость — надо выдумывать, не надо лгать поневоле. Ведь порою лгать комсоргу в той же «характеристике» приходится не оттого, что он силенок и показуе или спонсировал парня, готовящегося в институт, а оттого, что он просто его не знает точно. Тот самый комсорг цеха сказал Борису: «Помнишь, я теперь споконье себя так чувствую!»

На семинаре Борис Усманов озвучил тревоги: пойдут ли его, отнесутся ли со вниманием к его попыткам? Я думаю, он был потрясен тем жадностью, с которой его незанятые наброски «системы критериев» брались комсомольскими работниками на вооружение: немедленно, тут же! Сам Борис спал в эти дни по три часа в сутки, за полночь заснивался с навалившимися секретарями района, все располагавшаяся в райком, и был он все эти дни в состоянии приподнятого настроения, в котором не всегда удается размышлять критически. Но по мере работы над этим черепашью страсть активна к системе — так им оно хороша, эта страсть, радоваться ли ей!

В разговоре с Борисом один секретарь района выразил так: «Мы теперь у себя обязательно будем

И. АША О. Б. Т. Ж. К. А.:
ПАМЯТНИК
26 БАВЛЕНСКИМ
КОМСОСАР. А. М.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

РЕПОРТАЖ — «ДАВАЙТЕ ШЕСТЬ» — ТИТАНТЕ НА СТРАНИЦАХ 12-16

4
МУЗЫКА И ПРОЦЕНТЫ.
Репортаж с Пермского
телефонного завода.

6
Рэуль НУНЬЕС,
секретарь ЦК Перуанской
коммунистической молодежи,
руководитель делегации Перу
на X Всемирном фестивале
молодежи и студентов:
ОСТАЛСЯ НЕИЗГАДАЧИМЫЙ
СЛЕД.

16
ПРИЕМНАЯ АРМИИ.
Беседа с военным
комиссаром Москвы,
генерал-майором
А. И. МОРОЗОВЫМ.

20
ЛОШАДИ И ВСАДНИКИ.
Очерк
о конном тиреборье.

ПРИРОДА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.
СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА ПСВЯЩЕН
ПРОБЛЕМАМ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: В. С. АБЛИН, Г. П. ЕРИСЕЕВ, А. П. КУПЕЛОВ, А. А. ЛЯХОВ [ответственный секретарь], В. В. ЛУЧИН [заместитель главного редактора], В. Г. ПЛОДОБНОСОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕННИКОВ, Е. И. РАЙБИЧ, Г. В. СЕМЕНОВ, С. С. СИМОНОВ, А. Б. СТУКОВ [главный художник], Ю. В. ТОМАШЕВСКИЙ, В. Е. ТОМАШЕВИЧ

Художник О. С. Теллер

Технический редактор Н. И. Буднина

такую систему и убедительно докажем, что какое занял место! Научно!»

Установив принцип в умах и принявшись объяснять, отговаривать, растолковывать, что такое использование его «системы» может обернуться огромным бедствием. А что, если в комсомольских группах начнут вычерпывать все, что касается самостоятельности и «активности» какого-нибудь Васю Ник. Что, если комсорги сделают такого парняка предметом своего состязания? У одного секретаря в группе такая «средняя» активность, у другого — такая. Кто, мол, тынешь Ага, вон тот комсомолец. По своим показателям! Вот по тем и так. И Васю Ник. начнут подгонять. В пример, по «техникуму» творчеству, хотя у него нет склонности к нему, в ущерб другим общественным занятиям, и которым как раз lacking парня душа. И паренек начнет деформироваться под воздействием усиленной комсорга — ради некоей «средней» активности, которая у соседней группы выше.

Установив убеждал, что так поступать нельзя, но глаза кого-кого из оставшихся комсомольцев «ты сделал свое дело, Борис», — говорили эти глаза. Дни бы выпущен из бутылки. Ребята уходили, поглядывая с тайной надеждой в свои блокноты, где у них теперь был простой и понятный способ, как относиться к человеку, — всего двадцать пять пунктов, по которым можно сравнивать людей, устраивать между ними соревнования, воспитывать их, призывать подтягиваться. А главное, теперь ясно, за что спрашивать с подчиненных и как оценивать их работу.

Мне думается, среди активных «пробирателей» идей Бориса Усанова были те самые комсомольские работники, которые больше ринлись с технической стороны зачета, чем с его сути. Те, кто ждал всяческих усовершенствований процедуры, те, кто трапезил на идею, а потом и для кого она стало самоцелью. И вот теперь они получают довольно стройную «систему» требовательности: отныне «пробирочная» или «измеряющая» зачета, они зная точно, по каким пунктам оценивать личность комсомольца.

Самое по себе это как будто неплохое дать комсомольской работнику более или менее четкие критерии оценки. Плохо, если эти критерии станут предметом состязания работников, перенесены в организации и группы, если все увлечется «системой» ради самой «системы». Ведь может получиться так, что актив научится раскладывать человека по вертикали и «горизонтально» и даже графически вычерпывать «активность» каждого из нас. И может получиться так, что актив будет с удовольствием это делать, радуясь, что каждый человек теперь виден, каждый понятен и сравнен, что исчезла наконец душа этих человеческих душ этих «неизмеримых» возможностей. И может и не получится так, что, состязаясь между собой, организации будут видеть, как идеал, некую «среднюю» активность, которая и в ТМ, и в ком. и в худ. самодеятельности, и в «проктораторе» — словом, «тянется» по всем двадцати пяти пунктам. Но тянуть по всем «критериям» «активности» нельзя, можно со «средней». Однако правильно ли видеть в этом «усреднении» идеал?

Нет, сама по себе «система критериев» быть может, вовсе не плоха. Возможно, она даже идеальна! Но она служит добрую службу тогда, когда комсомольскому работнику и активисту, которые будут приставлено вглядываться в существо дела и добросовестно и умно им заниматься. А тем, кто не склонен доходить до существа, а не просто огораживать себя настояло формальной деятельностью, «система критериев

не поможет. Однако кое-что надеется, что именно так и должно произойти: помимо усилий человека, еще развистався по местам, каждому воздается по заслугам. Такой взгляд как в себе не воплощается. Тут легко ошибиться. Денегато можно, например, посчитать «активным» и даже очень, посылкою на «...много выступлений» провинциальной «Критики». А как разоблажить в существе «критики», «система» не подскажет. Определить это сумеет лишь тот, у кого в грамотной секретаря. И вот, кажется, что люди, окружающие на семинаре аспиранта Усанова плотной стеной, были теми, кто в Ленинском зачете делал именно этот набор различных мероприятий профсоюзного характера. И хлопотали они теперь о том, чтобы упорядочить все эти мероприятия как можно лучше для себя. «Критерия» «активности» прилипли мы по вкусу, хотя без произвольности в существующие вопросы зачета неизбежно обернулись бы критериями «бывшей» «требовательности». Но кое-кто жаждет предьявить их комсомольской массе. С помощью их предположительно контролируются «активности», сравнивать и поощрять работу самих работников и комсомольских активистов. При этом, однако, не случается, что «активность» окажется томе формального свойства.

Итак, процедура Ленинского зачета часто комсомольского актива воспринимается как некая самоцель. Вот, пожалуй, диагноз «болезни роста».

В Ташкенте на семинаре секретаря райкома так или иначе спорили две точки зрения. Очень многие старались говорить о «формальности», о том, каким способом размонтировать личные комплексные планы, а о том, как сделать эти планы не формальными, а живыми, интересными, личными, как сделать их действительно личными планами людей. Не над проблемой, в каком шкафу хранить книгу, бумагу, надо помнить толково, говорили они, а про то, как востановить работу с молодежью в своем районе, в первичной организации. Помогать ей изо дня в день творчески трудиться, оживлять марксистско-ленинскую теорию, повышать общее и специальное образование, словом, жить богатой духовной жизнью. Тогда и индивидуальные планы комсомольцев будут не бумажками-блинчиками, а подлинными программами, в которых соединится и глубоко личное и продвинутое общинами заботам бригады, цеха, района...

Позиция этих комсомольских работников проявилась и в их взгляде на саму процедуру зачета — они за глубину и содержательность. Когда во время аттестации, прогна галопом с трехминутными разговорами, за деловую обстановку эти встреч, эти моменты между комсоргом и рядовыми комсомольцами, против пошлости, чрезмерной торжественности, отвлеченности от сути дела, сформированности и естественности. Они отчетливо представляют, что для комсомольца процедура его зачета может стать или большим жизненным уроком, показать заинтересованность коллектива и сдаться на него, или наоборот, может обернуться уроком формализма, пошлости, которая повлечет за собой отчуждение человека от общественной жизни.

Сегодня взоры всех комсомольских работников обращены в будущее. Помысли секретаря райкома сегодня о том, как плодотворнее работать с молодежью, как сделать ее совсем народом трудится над осуществлением решений XXIV съезда партии, как дальше развивать интерес комсомольцев к марксистско-ленинской теории, какими образом способствовать росту трудовой и политической активности молодежи.

Юрий КОРТНЕВ, мастер завода «Динамо»

«режетакшая» была над Александром Головиным, мастером мастера руда изохромици словами. Оно понятно, что изохромици — иными не ругаются. Стало было, никакого оторвался участковый пот здесь по смазку. Выдрать, и не смог бы, ибо только «старые» рабочие знают, что на изготовлении двух одомощных валов полтора идет столько же времени, за сколько — если перевернуть — можно осилить всего лишь полтора вала.

Разумеется, мастеру эти тонкости были ведомы. Поэтому и «важачиком» он ставился из той части цеха, которая «тапает» крупную: «Привахните, мол, заодно и эти случаи понаблюдаю за участком болячки. И вам-де выгодно, и производительность повысится». За время вынужденных переездов на валу случайно забил резьбу (ничего, мастер поправит, вручную прогна валочки М-100, заклад в двухметровый вороток). Незачем чем-то жалеть, пошарывая шариком по поверхности, алая гонимая мастер подкинуть, выкроил толку времени). Тут в самый раз начать разговор о работе, роли и назначении мастера в условиях жесткого и непрерывного производственного процесса. Что он там делает? Если в двух словах, то кривит время.

Убеждает в этом легко, если «войти в рабочий день мастера», посмотреть из чего его собственное время состоит: из принципа, думает, ладится ведь одна. У нас она така.

В половине восьмого мастер притягивает из входа на участок, ждет крановщик: «На три минуты уже задержался». На пять три минуты уже! «Тихо, ведь заготовки ко всем станкам мержири мастера в конце его смены для начала работы нашей смены расставлены». «Переставляю срочно кое-что надо». Иवान заболел, у Петрова станок не «важачик».

За станком те времени, слышшь, уже добрал половина станков загудела, и на них «заговорили» на разные голоса, «закликали» пушечные в обработку валы. Самые крупные из них на обдирке степенно говорят: «Колывалось все басом с нажимом на букву «О»: «Ю-Ю-Ю, ко-ля». Валы поменьше вырываются на полуавтоматах с отменной скоростью, завывая. Как бы, как, так, и под фрезями, которые разрабатывают их валы, рождаются ипоточными канавками или нарезают на концах резьбу, валы хрустят. Под шлофовальными камнями они уже только шипят, вскрипяья последним, все утасовавшим впамятом.

После шлофовки, уже недавно совсем черные, валы становятся яркими и светлыми, как зеркало, хоть смотришь в них. Однако с этим еще ни разу не был согласен контрольный мастер участка Головин. В шести метрах над полом по всей длине пятидесятиметрового пролета с грохотом ходит пятитонный мостовой кран. Это главный «старик» мастера. Крановщик пожимает плечами: «Плохо, валы не выдерживают отжуга, отжуга не выдерживают, отбегает от Полсева на пять штов и уже не слышшь, чем он там еще грозит. «Мастер, монте-

МУЗЫКА И

Комсомольский
организатор:
резервы
вокруг тебя,
в большом и малом.
Учись замечать
и использовать их.

Алла ДОБРОСОЦКИХ,
Исаак ТУНКЕЛЬ (фото)

СРЕДСТВА
РАДИОФИКАЦИИ Цехов

В ФОНОТЕКЕ БОЛЕЕ ЧЕТЫРЕХ ТЫСЯЧ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ — НА ВСЕ ВКУСЫ.

В ЛАБОРАТОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Когда музыка впервые встретилась с трудом? На этот вопрос, пожалуй, никто не сможет точно ответить. Но древнейшие земледельцы, собирая урожай, наверняка пели. Для чего? Да чтоб труд был легче и радостней. Когда Леонардо да Винчи писал свою «Дисконду», он приглашал музыкантов, которые исполняли его любовные произведения. Музыка шла рядом с трудом. Но вот наступил XX век, и люди задумали, чтобы музыка «работала на производстве». «Производственная музыка» — это новая музыка, его проспективированы новые мелодии и ритмы в соответствии с чертами и инструментами совместно с инженерами. — Так писал журнал «Искусство будущего» в 1919 году. Что и говорить, идея свежая, звучащая богатым перспективой. Но не до производственной музыки было молодому Советской республике.

...Первый телефонный завод. Его руководители с улыбкой вспоминают сейчас, как носы поглядывали на них скептически, когда было решено основать на научной основе музыку и производство.

Был ли риск? Да. Ведь никто не знал, чем обернется новая идея — победой или поражением. Поэтому от заводского совета эстетини до главы с директором предприятия И. В. Татарнино устроилось известное мужество, чтобы решиться создать лабораторию функциональной музыки. Многие посмеивались: «Что может сделать музыка?» И счастью, барьер песенщины был успешно преодолен. На заводе поняли, что надо решать проблему комплексно. Поэтому в лабораторию, которой руководит Н. А. Гольдварг, работают и инженер-музыковед, и психофизиологи, и операторы. Все

ПРОЦЕНТЫ

МУЗЫКА УВЕЛИЧИВАЕТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА, ПОДНИМАЕТ НАСТРОЕНИЕ.

ВМЕСТО ШУМА СТАНКОВ — ПРИБИТЫЕ МЕЛОДИИ.

РАБОТА НА КОНВЕЙЕРЕ ВОЛНИ НЕ КАЖЕТСЯ ОДНОУБОЙНОЙ И УТОМЛЯТЕЛЬНОЙ.

то их здесь одинадцать, сплайнистов, сделавших функциональную музыку своей профессией.

... Каждый сотрудник лаборатории на рунде боевого заказа гонимый змием: на нотном стане изображен скрипичный ключ и две ноты — «фа» и «ми».

— Что это значит?

— Функциональная музыка. Этот термин существует, он необходим, чтобы никто не назвал эту музыку, работавшую на производстве.

Что же происходит с человеком, когда он работает под музыкальным сопровождением? В самом начале дня его работоспособность несколько понижена. Войти в ритм труда, мобилизовать силы помогают ему для начала музыкальные программы: перед началом работы и в первый же час. А к концу дня, когда истощается сила работоспособности, музыка дарит бодрость, преодолевает разномыслие, успокаивает, снимает нервную напряженность.

Вот это приходится учитывать инженеру-музыковеду Л. С. Белусовой и старшему звукооператору Л. И. Игнечкину и П. В. Винокушникову, когда они составляют ежедневные музыкальные программы. У каждой — своя специфика. В начале дня музыки программы с ускоренными темпами. Для поддержания установившейся работоспособности подобен равномерный темп. А на конвейере, где в конце смены повышается усталость, необходимы мелодии с резко контрастными темпами. Для сборочных цехов — одна музыка, для механослесней — другая. Там, где уровень шума немалый, музыку передают через динамики, там, где шум сильный, через протекторные ролики машинистки. Время трансляции тона различно. Психологические проблемы мало исследованы, чтобы установить твердые музыкальные ритмы, которые существуют на заводе вот уже три года. Но поиски на этом не закончились. Сложнейшая музыкальные исследования, изучая влияние музыки на работоспособность.

Если музыка надоела, она перестает быть функциональной. Поэтому разрабатываются новые сборочные программы. Фоновая, в которой больше 4 тысяч музыкальных произведений, постоянно пополняется.

Какая музыка известна? Классическая, и современная, производится непрерывно: она не может ждать убогого ритма. Словом, остается легкий марш, песни, инструментальные рывки. Но можно попытаться включить в программу популярное, но пошловатые песни. Кое-кому они нравятся, однако и мучают ритмом эстетическую жажду. Между тем одна из задач лаборатории — повысить музыкального вкуса. Удается ли это? На то, что три года работает под музыкальным сопровождением, 12,3 процента посетителей — концерты и музыкальные спектакли, а кто не слушает музыку на работе — только 13. Цифры красноречивы.

Ну, хорошо, а есть ли тут эконо-мический эффект? Находятся и такие, кто считает, что затраты на такое количество запущенных в эфир музыкальных записей довольно давят значительное заводской продукции. Этим товарищам можно сказать следующее: исследования показали, что музыка на производстве облегчает труд и повышает его производительность — до 5-7 процентов. Потери боевого времени по субъективным причинам сокращаются на 4-5 процентов. Брань уменьшается на 6-12 процентов. Можно, кому-то эти цифры покажутся незначительными. Но даже если бы они были еще меньше, функциональная музыка имела бы право на жизнь.

Как только не называли лабораторию («Слабой музыкой» и «Лабораторией хоронюго настроения»). Но дело не в красных записях, а в желании новое дело, уверены, что это омертвело. Функциональная музыка звучит в цехах предприятий Рига, Рибинска, Лавова, Днепродзевка, в Парме за океаном, приезжают гости на разных концах стран, и everywhere здесь организуется музыка, которую готовят мастера функциональной музыки. Масштаб признали, аки видим, велики. Только вот в Перни телефонный завод пока еще остается единственные «музыкальные» предприятия. Почему? Главная причина, думается как, барьер пессимизма. Сбоку «Иманабел», завод торгового машиностроения, там хотят слушать музыку на производстве. Но руководители этих предприятий относятся с недоверием и ослепу соседи.

И все же функциональная музыка заявляет о себе во всеобщем масштабе. Ее уже музыка и всеобщий научно-исследовательский центр. Маленькой лабораторией телефонного завода это, конечно, не вид сину.

Важно понять, как музыка во время работы нужна каждому человеку, она помогает создать тот приятный мир, который, при котором работает хорошо, спокойно, без напряжения. Музыка и труд различать нельзя. Они старшие друзья.

Корреспондент журнала
Юрий СВЕРДЛОВ
беседует
с Раулем ИУНЬЕСОМ,
руководителем делегации Перу
на X Всемирном фестивале
молодежи и студентов,
секретарем ЦК Перуанской
коммунистической молодежи

НЕЗАДАЧНО

акто в мае, незадолго до открытия I фестиваля перуанской молодежи, ставшего генеральным смотром готовности к X Всемирному фестивалу в Берлине, я был свидетелем любопытного случая. В автобусе сидела группа юношей и девушек. В руках у них были экземпляры партийной газеты

«Уиндада. Начинался вечер. Народу, конечно, полно. Усталые люди возвращались с заводов, фабрик, учреждений после напряженного трудового дня. И вот неожиданно для всех раздается громкое, настойчивое и задорное:

— Покупайте «Уиндада!». Покупайте «Уиндада!».

— В ответ слышится:
— Ну вот, нашли место, где продавать. Вам здесь не улица...

— Начался разговор, в который постепенно вступили чуть ли не все пассажиры автобуса.

— Для вас же стараясь. Скоро в Лима фестиваль, а вы, пожалуй, ничего и не знаете...

— Какой еще фестиваль?

— А такой фестиваль, перуанский молодежный... Среди пассажиров заметно оживление, которое перерастает в искренний интерес.

— Будет много людей, улыбок, а главное... Впрочем, в газете все есть...

И вот уже тиснут руки к «Уиндада».

В таких случаях нередко вскипала споры, дискуссии, рождалось великое множество вопросов. И ребята-комсомольцы старались разъяснить политику партии, комсомола, значение X Всемирного фестиваля молодежи. В то же время они давали твердый отпор клевете и нападкам идейных противников.

Комсомольцы выходили на улицы, в самую гущу народа, распевая «Белла часо», «Бандера rossa». Они скандировали лозунги фестиваля. Над ними развевались красные флаги. Это было глубоко волнующее зрелище, не оставлявшее никого равнодушным.

Идея X Всемирного фестиваля молодежи, его проведение в Берлине вызвали глубокий интерес в Перу. И в этом немалая заслуга перуанского комсомола — Коммунистической молодежи, для которой подготовка к фестивалю началась задолго до его начала. В Национальном подготовитель-

ный комитет (НПК) вошли представители Перуанской коммунистической молодежи, партии Народного действия, Народного фронта перуанских женщин, Всесоюзной конфедерации трудящихся, молодежные демократы.

Программа подготовки к фестивалю разработана НПК, во многом отражала проблемы, которые должна решать перуанская молодежь в условиях борьбы за коренные преобразования в нашей стране. Мы организовали молодежные бригады добровольного труда, на счету которых десятки построенных школ, больниц, тысячи перуанцев, обученных грамоте. Комсомольцы создали пропагандистские бригады, получившие имя «Уиндада гвардия». На них была возложена задача агитационной работы среди населения. Нужно было объяснить перуанцам, многие из которых по каким-либо причинам могли быть слабо осведомлены, значение фестиваля и его идеи. Молодежь широко применяла наглядные формы агитации. Огромными буквами на стенах домов и заборах они писали фестивальные лозунги, расклеивали красочно оформленные плакаты с фестивальной эмблемой — цветком, привлекая к ним внимание прохожих. Распространяли «Уиндада», когда в газете печатались материалы о предстоящем фестивале.

Работа эта была нелегкая. Народ утомлялся, что среди некоторых людей еще бытует недоверие к компартии и комсомолу. Это объясняется политической реакционностью кругов страны, десятилетиями вдалбливавших в головы перуанцев миф об опасности распространения коммунизма.

Большое внимание мы уделяли кампаниям «Юность обличает империализм». В ходе ее разъясняли, показывая содержание, цели и методы политики империалистов. Культурно-массовым актом подготовки к всемирному форуму в Берлине, а также кампания «Юность обличает империализм» став I фестиваль перуанской молодежи. Это был самый возможный и достигший лозунга перуанцев, их возросшей идейной и политической зрелости, готовности идти на самопожертвование, ставить общественные интересы выше личных.

Свыше 7 тысяч молодых людей приняли участие в фестивале. Для Перу это немалая цифра. Делегаты выразили свою солидарность с народами Индонезии, Чили, Боливии и Бразилии. Были митинги, заявлявшие дискуссии, но спорившие

были едины в одном: ненависти к империализму, желанию служить революции, народу, своей стране.

Молодежь везде и всегда остается молодежью, и вполне естественно, что фестивали в Лиме был всеобщим праздником. Мы провели конкурс художественной самодельности, который позволил нам отобрать наиболее способных и талантливых ребят для поездки в Берлин. Концерты самодельных артистов проходили с огромным успехом, а все выручка от проданных билетов предназначалась в фонд X Всемирного фестиваля молодежи.

Но вот перуанская делегация в составе 152 человек (третья по численности среди латиноамериканских, после Кубы и Чили) готова к отъезду в Берлин. В делегацию включены представители всех слоев перуанской молодежи, различных молодежных организаций страны.

Представить читателям «Смены» всех тех, кто отправился в Европу, конечно же, невозможно, но вот одна из наших девушек.

Ее зовут Роза Булон. Ее 19 лет. Она учится в университете Сан-Мартина в Лиме, одном из крупнейших в Перу. В нем 10 тысяч студентов. На первый взгляд Роза — обыкновенная девушка, как тысячи других. Она худощавая, почти выше среднего. Но ее живые карие глаза и плотно сжатые губы говорят об энергичном, волевым характере. Роза — секретарь комсомольской организации университета. Вряд ли кто сможет забыть эту девушку, если кто бы раз увидел ее на митинге, диспуте, когда она в пылу poleмики обрушивается на своих политических противников — будь то ультраправые или ультралевые — со всей страстностью души, с глубокой верой в правоту дела, которому она посвятила свою жизнь.

Порой студентам-комсомольцам отставать свои политические взгляды приходится и в навязанных им рукопашных схватках. Вызвет, что удары противников достаются и Розе, но никто еще не слышал от нее хотя бы слова жалбы. Наоборот, она сама готова оказать помощь товарищу. Если он пострадал, она промочет, перевяжет ему рану, смажет ссадину, поддержит добрым, ласковым словом.

Роза Булон не сидит себе в работе. Бессонные ночи стали для нее обычными. В окнах ее комнаты часто можно видеть свет, когда все люди по-

кстры на пути до Берлина — обо всем этом забыть невозможно.

В Германской Демократической Республике мы провели две недели. Они пролетели так быстро, так незаметно, как проходит обычно время в гостях у настоящих, добрых и верных друзей. Делегаты фестиваля чувствовали себя в Берлине, столице первого германского социалистического государства, как дома. Нам принадлежали улицы, площади, парки, дворы города. Гостеприимные хозяева сделали все, чтобы делегаты У Всемирного фестиваля молодежи и студентов социалистической действительности, о больших успехах народа ГДР в строительстве новой жизни.

«Солидарность — сила миллионов» — этот лозунг стал лейтмотивом многодневных встреч, бесед, проходивших в дни фестиваля. Глубоко запали в память митинги солидарности с народами Вьетнама, Камбоджи, арабских стран, Пуэрто-Рико, Мозамбика, Анголы и Гвинеи-Бисау). Мы по радостно видеть, что молодежь различных стран воспринимает борьбу народов за независимость и свободу как свою собственную. Имперализм был осужден как враг человечества. Эти молодые, свежее решение сделать все, чтобы на земле воцарился мир и было покоично навсегда с агрессиями и войнами; — ясный и четкий вывод тех, кому принадлежит будущее планеты, на прокси противников разрыва международно-правовых отношений, мечтающих повернуть вспять развитие истории.

Особено нас взволновали встречи с советскими людьми. Они показали, что огульно не относятся революционными процессам в Перу, проблеме Латинской Америки.

В торжественном молчании мы, перуанцы, стояли у памятника советскому воину-освободителю в Тренто-парке. Мы увидели замараш советских ребят — символы тех, кто на своем плече выдержал войну с фашизмом и победо завершил ее в Берлине. Мы думали о 20 миллионах советских людей, отдавших жизнь за то, чтобы чума фашизма не поразила весь мир и чтобы дети от при своем рождении не становились рабами.

Я беседовал с лейтенантом Чан Хи Ли, депутатом Национального собрания ДРВ. Героем вьетнамской Народной армии. Я думал, как много мысленно любил родные места, как хотелось было в эту хрупкую, невесомой девушке. Казалось бы, для нее более подходящие белые платье, розы, а не эта военная форма. Но она сказала, что родные места не имеют 40 американских самолетов. Беседу с ней, а особенно хорошо понял, почему интернамент не удалось поставить на колени это мужественный народ.

Когда я возвращаюсь мысленно в недавнее прошлое, которое можно назвать одним, но емким словом «фестиваль», мне невольно приходит на память берлинский вечер 5 августа, стоявший на мой взгляд, значительнейшим событием форума молодежи земли. Тогда на площади имени Маркса и Энгельса проходил заключительный митинг У Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Он бурлил торжественная тишина. Мы знали, что будет значима «Правда» молодежи мира. Знали, что читать его будет музеевцы американская коммунистка Анджела Дэвис. И вот она читает текст призыва, а в слова и снова думаю: не ли мы, молодое социалистическое дело, для того, чтобы был достойным надежд, возлагаемых на нас народами! Заслуживаем ли мы доверия, оправдываю ли его, когда наступит особый, командный момент каждого из нас как — испытания, когда нужно будет в полной мере проявить свою гражданскую сознательность, все мужество, стойкость, чтобы, опираясь на уже приобретенные силы, идейную закалку, не поддаваясь плечо старших товарищей по борьбе, выполнять свой долг. И к этому мы все должны стремиться, готовиться, работая денно и нощно.

Для нас, молодых перуанцев, фестиваль имел огромное значение. И не только потому, что мы имели возможность принять участие в митингах, конференциях, различных семинарах и встречах, обсуждать вместе с представителями других делегаций острые проблемы современной жизни, о ее развитии и будущем.

Фестиваль стал для нас наглядным примером того, как люди различных политических, идеологических и религиозных взглядов могут работать вместе, сотрудничая, когда их объединяют общие интересы.

Это очень важно для нас, поскольку в Перу, как и во многих других странах Латинской Америки, прогрессивные, демократические силы долго и упорно боролись, преодолевая сопротивление, что приводило подчас к немалым жертвам

и неудачам, облегало империализму возможность осуществления по отношению к нашим народам политики, выраженной в принципе «разделяй и властвуй».

Читателям журнала, возможно, будет интересно узнать, чем живет сейчас наша страна, что волнует перуанский комсомол.

Сейчас в Перу, как и в Латинской Америке, в 1968 году в власти находится правительство патристически настроенных военных. При решительной поддержке народа, всех демократических организаций, в том числе и коммунистических, мы ставили ряд прогрессивных мероприятий. Была национализирована рыболовная промышленность. Государство установило свой контроль над экспортными товарами, в частности, над лесом. Создана государственная авиакомпания Торо-Иско. Полным ходом идет аграрная реформа: в руки крестьян уже передано свыше пяти с половиной миллионов гектаров земли. Старався ликвидировать аграрную неграмотность. К 1980 году в стране не останется ни одного перуанца, который не умел бы читать и писать. В июне 1973 года была передана государственной компании Минероперу медные месторождения равное Торо-Иско, принадлежавшие американской фирме «Серро де Паско». Кстати, в ближайшем будущем планируется установить полный контроль государства над горнодобывающей промышленностью, а также в границах природные богатства страны. Будет создан также общественный сектор экономики.

Внутренняя реакция оказывает отчаянное сопротивление революционному процессу в Перу. Главные силы — левая оппозиция, капиталисты, представители экономической и интереса иностранных монополий пытаются посеять среди широких масс населения неуверенность и недоверие к правительству, спровоцировать трудовые конфликты, помешать проведению аграрной реформы. Они обвиняют перуанскую революцию в том, что она якобы приняла коммунистический характер, разжигает антикоммунистическую истерию.

Однако эта провокационная кампания лишь получает должный отпор. Обращаясь в конце июля к перуанскому народу с посланием по случаю 152-й годовщины провозглашения независимости республике, президент объявляет решительную черкуню: «Антикоммунизм всегда был оружием реакции и правых элементов. Поэтому обратится к неадекватной и не имеющей смысла политике втягивания в борьбу с коммунизмом, равносильно начать борьбу против самой революции».

Реформы в Перу, обусловленные истинными интересами страны, встречают полную поддержку коммунистов и комсомольцев. Они диктуются развитием экономики страны.

Растет значение и развивается роль и значение Коммунистической партии Перу. И эта партия вышла из подполья и работает легально, борьба продолжается, упорная и непрестанная. В этой борьбе партия опирается на помощь Перуанской коммунистической молодежи.

Наша организация была создана в 1955 году из молодых членов компартии. Первоначально ее основу составляла рабочая молодежь. Теперь в разных рядах немало и студентов, выходящих из непростой ситуации, добившихся определенных успехов в университетском движении. Одной из основных задач мы считаем пропаганду идей марксизма-ленинизма среди всех категорий молодежи. Мы работаем в школах, в университетах, средних школах и в сельской местности. Кроме того, комсомол считает необходимым, как это, в частности, подчеркивалось на послании от съезда в 1971 году, неустанно стремиться к достижению единства с социалистическим Перуанским юношам и девушкам еще предстоит преодолеть раскол в рядах молодежно-двигатель, организационную разобщенность. И то, что в последние годы в ряде городов и в Берлине смог собрать под свои знамена посланцев молодежи из разных стран, разных политических взглядов и воззрений, для нас является огромным стимулом в борьбе за единство перуанской молодежи.

И еще один аспект фестиваля. Он стал грандиозной демонстрацией в поддержку дела мира. Фестиваль показал, что соотношение сил на международной арене уже сейчас в пользу прогресса. Он позволил широким кругам молодежи убедиться в том, что социализм добивается все новых успехов, точно так же, как народы, борющиеся за свободу и независимость.

Мыпомним эту встречу навсегда. Мы представляли различные партии, но были едины в главном: в стремлении к миру и дружбе между народами, в антиимпериалистической солидарности.

гружен а сон. Это значит, что она готовит тезисы к очередному выступлению на митинге молодежи, или составляет план работы комсомольской организации, или пишет тезисы лекции и плаватов. В ночные часы Розу нередко можно видеть среди товарищей на улицах Лима. В руках у ней жестяные ведерки с краской и кисти. Когда огромный город с двумя миллионами населением спит, они расклеивают листовки, пишут на стенах домов, на заборах лозунги Перуанской компартии, комсомола, раскрывают цели и содержание программы действий коммунистов.

Было бы ошибкой полагать, что для Розы ничего не существует, кроме политических связок. Она очень любит читать. Любопыт к книгам она вынесла из детства, которое провела в бедной деревушке в департаменте Паско близ города Охупампа. Ее родители, простые крестьяне, отдавали последние гроши, чтобы купить ей книжку. Порой даже девчаша, как это Роза удаётся найти время для художественной литературы. Особенно увлекает ее поэзия. Она любит читать вслух по нескольку раз стихи и поэмы Вальеса, Пабло Неруды, находя в них что-то свое, близкое по мысли и чувству.

Как-то разговариваясь с Розой, я спросил, что помогло ей в нравственном и идейном становлении, и она ответила: «Книги. И в первую очередь «Как закалялась сталь» Николая Островского — Роза объяснила». Жизнь и Борьба Павла Корчагина близки мне и понятны. Когда я сталкиваюсь с трудностями, я спрашиваю себя, а как бы поступил на моем месте Паша. И знаюшь, это мне зачастую помогает найти правильное решение. И у старости не щадит себя ради нашей борьбы. Пышет поря и тяжело, но ведь Корчагину, советским комсомольцам в годы революции и гражданской войны было не легче. И если бы я была такой же похожа на него, это доставило бы мне удовлетворение. Ведь это ощущение, что ты приносишь пользу обществу, придает новые силы, закаляет в борьбе».

Мне остается добавить, что именно такие люди, как Роза Буваро, помогли Коммунистической молодежи Перу завоевать большой авторитет у наших юношей и девушек.

Поезда на фестиваль дальняя дорога не доставляет вместе с кубинской делегацией, горячая сердечная встреча в Ростове, митинги, чаепитие, сп-

Писатель Евгений Добровольский закончил работу над романом «Расуловские времена».

Это роман-хроника о рабочей династии Караидеев, о революции, о заводе АМО и первых советских автомобилях.

В предлагаемой главе основатель династии Петр Караидеев, возвращаясь с Дальнего Востока, попадает в революционную Москву 1905 года.

ПЛАКАТ

Рассказывают, что рано утром в деревню Сухоносво приехал Кикимора болотная, божий человек Алексей. Косматый, нечесаный и нематый с рождения, размазывая слезы и сопли, он сообщил, что наш русский флот разбит, все корабли потоплены, а доблестный, христовлюбивый воин адмирал Рожественский, раненный, в крови, взят японцами в плен, будто было ему, Кикимора, в ночь такое видение.

Покатавшись по траве, но мокрой пропеллею у колодца, пошумев, подергавшись, божий человек вскочил, крутнулся на месте и на хорошей скорости по холоду подал в Тартутино, прямо к чайной Ивану Семеновичу Яковлеву.

По равнению времени в чайной гостей не ждали. Мальчик Вася, взятый в удивление на милость, обжиком стекла скобыл дошатый стол. Три дня назад Иван Семенович пообщал за старание, как выждет Васье возраст, взять его в полове. Вася не знал, что с возрастом станет доктором наук и проректором университета, поэтому старался. В переднем углу тулся, набрав силу, модный патентованный самовар «Горлин и К. Тула». Было солонцо, пахло мытым деревом, чешоком, стучащими щипами с жареным луком, с газовой. В протесках между окнами висели керосиновые лампы «молния» и две картины, одна божественного содержания — иеромонах Серафим, совершающий молитвенный поединок в ночное время на камне; вторая — светская, кузенная хозяйком на прошлой неделе исключительно во военную времени.

Иеромонах Серафим стоял на коленях под южным деревом пальной, рядом — медведь и на камне аккуратно сложены одна на другую ругачки. Лицо у Серафима было такое же, как у медведя. Страшно. Зато с новой картинкой Вася улыбался коренастый солдатик с пухлыми щеками, вынуз загорелый:

«Крушка — гробик Иркутецкого поля Николай Антонов тринадцати лет.

Взят японцами и плен с Путиловской Сикки.

Бекка, был ранен.

Натражен Гаврииском крестом».

Божий человек Алексей, известный в Боровском уезде, а может, и во всей Калужской губернии под именем Кикимора Болотной, вылетел на крыльцо, быстро-быстро вытер босые ноги о разостланную рогожку, охнув, ворвался в сеня, а оттуда — прямо в залу.

Вася поднял глаза, хотел сказать, что еще рано, но не успел. Кикимора закрутил головой и, как стоил у порога со асето роста чувствовался за пол, задрался: «Богородица, дева, спаси, помилуй... Пресвятая Мария... Ох ты, ох ты, ох... Видно и молится, да не виднеть в каплясть... Ох, ох...»

На хозяйской половинке в исподней рубашке белой, в синей гире, босиком вышел сам Иван Семенович, ахнув, перекрестясь, почувал плотную волосатую грудь, подомел ближе, слегка ткнул божьего человека пяткой:

— Ну что те? Ну?

Кикимора забился шибче вредного, заглаголся про морское сражение.

Иван Семенович перевернулся в аиде.

— Выш? —

— Как бог свят! Как бо...

С быстротой, но не безостовитной, Яковлев кинулся одеваться, сам задождал крошечку, покатил на станцию пригородном, не разбавив дороги, только и успел крикнуть дочери, выскочившей на крыльцо:

— Вот те, ай Бей японку, бей макуку! Шапками закидаем! Эх ты...

На станции Иван Семенович вел дружбу с телеграфистом Калашниковым, который узнавал все новости равно нуждущего губернатора и вообще был человеком непрестым. К непрестым людям Иван Семенович Яковлев относился с интересом.

Калашников подтвердил, что и в самом деле было сражение в Цусимском проливе, это черт те как дально, на краю степи, эскадра погодилина, адмиралы вкаты в плен. Известие пришло вчера, со всего уезда пообежали юродные и клепки, тряслись весь день на станции. На перроне, как на паперти!

Работает наш русский телеграф! Поминать, сдается мне,— говорил Калашников,— завокут как японцы, это ж как монгольское нашествие! Не одержим.

Он сидел вдвоем друг против друга за столом, накрытым линкой

клееной, в узкой комнате с неубранной, несвежей постелью. Телеграфист жил небогато. Стол, кровать, на стене — обжаканное нумажное распятие поездов и выдольдана на гвоздике.

В бфете закартали водку и колодных котлет. Стационарный сторож, оставший солдат, принес в деревянный мисок моченых яблук, уже аксиших, и вкашейн капусти.

Обычно Иван Семенович пил помалу, а тут в силу таких обстоятельств решился и начал. Думал, будет легче, думал успокоиться, ничего еще толком неизвестно, но сразу захмелев, закурилось у него перед глазами, замерцало.

Во второй Тихоокеанской эскадре служил сын Ивана Семеновича, Афоня, Афоня, гордость и надежда. Сказать ему оставалось всего ничего. Иван Семенович предполагал уже уйти на покой, мечтал, что Афоня займется колдеством, покорит дом марсельской черепицей, прикутит в Боровске, в заречной части, мыловаренный завод, принадлежавший купцам Боловиным, а он, Иван Семенович, будет в тиши радоваться закладу камен, сидеть на крыльце, пугаться на солнышко, начинать вкучит, не дал бог.

— Это конец,— разливала водку, говорил Калашников.— Доигрался. Сомнение мне только одно берет: непонятно, что с Россией будет? Вот вопрос. Вышла у меня к вам дилемма!

Иван Семенович итерней вытер губы.

— Ты за Рассеею не горой, чей ей, рассуди. Как была, так будет, никуда не денется, устоит.

За окном с грохотом и железным злагом прошел британский курьерский, заволажал стеклами, брикнула, зашла тоненько мандолина на стене.

Телеграфист Калашников говорил о погибле отчества, о всеобщей смуте, Иван Семенович не слушал, жалея Афона. Две слезы медленно катились по широким щекам, собиравшись в одну большую слезу на кончике носа, Иван Семенович вытирал ладонью губу, но не успевая, большая слеза шлепалась на клеенку. Он утирался, не выпуская слезы, а тут опять уже подкатывались две слезы, стекаясь в одну...

План и беседовали до вечера, ждали новых известий, но ничего нового не поступило.

Иван Семенович никак вышел в стационарный павильончик, отжал мерина, выехал на большак, бросил вожжи, теперь он не спешил.

Вечер выдался тихий. Только что кончился короткий майский дождик, прибял пыль, прибавил свежести, но от страшных известий, от вышней водки Ивана Семеновича сморкло, он забился, дремал, опустил голову, на колодных вздрогнул, опирался, чудились ему вдруг разные звуки,— то детский плач, то ягучивый хохот.

От вечернего ветра в аиде от легкой дробной, равномерного дождя кончат в конце пути он почти что отрезва и, не дожидая до Тартутина, свернул в Сухоносво, решил захватить к Караидеевым.

У Петра Андреевича Караидеева сын Петр тоже служил в тихоокеанской эскадре и сражался в Цусимском бою и, может, как Афоня, тоже уже лежал на морском дне, и, значить, были они теперь с Петром Андреевичем вроде как родственники. Радость роднит, а получается и горе тоже.

У Караидеевых не спали. В крайнем оне дрожал свечной огонь, то разгорался, то совсем погасал. Иван Семенович постучал в стекло. Вышел сам хозяин в сандалях, в картузе.

— Иван кука собрался? — не поддоровываясь, хмуро спросил Яковлев.

— К тебе, Иван Семенович. Только как мернувшись.

— Слыхал? —

— Поди, нусть? Байкай яс, вот. От Кикимора, видение ему...

— Все чеп! Суцная правда. Побили сынов.

Иван Семенович залпался, опустил на крыльцо, обхватил голову. Вышла Аграфена Кондратьевна, начала его успокаивать, принесла воды, авпривчала, как причитала все сухоокеанские и тартутинские женщины в подобных случаях:

— Ой, батюшки, не ваще это мужское дело плакать, наше, бабское, победить слезки, солёные они...

— И море солонцо,— рыдал Иван Семенович, и от слез ему становилось душно.

— Не страдай, не убивайся,— сутелаясь Аграфена Кондратьевна,— раньше час-вереница плачь бесцельно, сколько сражений было, сколько кровушки пролито, а живыми приходили солдаты, не бывает того, чтоб

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

всех враг перебил, сохранил Христос, и Афоня твой и наш Петенька живыми придут, утис слезки...

Иван Семелович всхлипывал и все повторял: «Ох, Кодратьевна, а я вашу Анушку за Афоню, за сына сватать хотел. Срок пришел — за покойника».

С Божьими сделавшись пласко, ей внесли в избу, уложили на коник, лавку, бляжкою к дверям, стагнули сапоги, раздели, накрыли периной, но он трясся, как от холода, стучал зубами и затих только под утро.

Через день-два уже весь Боровский уезд, затерянный в равнине Калужской губернии, знал о сражении в далеком Цусимском проливе. В первых лавочках лавочных, нова словом, имели еще не знали. Настоятель Боровского собора пророкотер ефк Каанский успокоив проповедаю, призвал умолиить усилна и победить неприятеля, вспомянна слова святого Кирилла Иерусалимского: «Кто не верит тому, что соберет проповедаше плоды, тот не станет собирать трудов». Далеко от проповеди не стало, немно было, зачем труды и чего с апонимами не подыли. Не турки.

Тем временем призвали занависх, женатых мужиков, оторвали от семьи, от севокса, а травы шили в тот год — завабувшись, не трава — ягода.

То-то было пропото устланных песен, то-то вышито со злости и с гора. Уезд пропаш синуюю, как на три храмовых, калкайна — дышет ветер с Чубарова, от воинского присутствия — мунит солдана, давай закусывай. А тут еще пошла служба, что в «Буревисная ведомости» начавало помещать имена погибших, раненых и пропавших без вести, числа и счета им нет.

Аграфена Кодратьевна в ночь со вторника на среду видела Цусима. Снилось ей море мертвых людей, вилух и японцев. Имена была жедать, на чоника, как коник. Они танули к ней сморщенные ручки, авляя, а откуда-то издали сквозь этот плач слышалась голос сына Петруши. Он лежал посреди Цусима на черной воде и тоже знал ее.

Аграфена Кодратьевна про сон никому не сказала, утром, как позавтракала, собралась послуду, выслера трибунакой спускаю, вода же чистое, Анушка завала, чтоб смотрела по хозяйству, сама, мол, идет в Тарутино к сестре.

Анушка поверила, но на самом деле Аграфена Кодратьевна пошла не к сестре, а на берег реки Истья и Трем Каменям.

В этом заброшенном месте, заросшем мелким кустом, в избушке на два оконца жила Наталья Богданова.

Аграфена Кодратьевна огляделась со стороны, перекрестилась, повторила про себя: «Бели ты спирица, и я спирица, если ты с шитрося, и я с шитрося», — еще хлопнула три раза. Так позавалась: Наталья была аменитой в околоте колдуний и порчальницей. Подступила к дощатой двери, обгной бурой рогожей. Под ногами жмыкала вода.

На стук никто не ответил, но у Аграфены Кодратьевны было такое ощущение, что в доме кто-то есть, она тихо поддала дверь плечом. Дверь натужно скрипнула, поддалась.

В избушке было душно, сумрачно, пахло дымом, курятником, пахлым пером. Наталья в белой нижней рубашке, все безстудная, сидела за столом, напротив гробика разодевалась волосы. В ногах у нее, свернувшись, сидела большая белая женщина.

— Здравствуйте, — сказала Аграфена Кодратьевна. Поклоналась.

— Здравствуй, Груня, — не поднимая головы, ответила Наталья. — Какое дело ко мне? Сидишь, Груня.

Аграфена Кодратьевна села, положила руки на колени.

— За Петрушу отведаль?

— Ой, зерно, матушка, ой, зерно. Поворожи, живой ли. Загляни туда, где он есть, век за тебе...

Аграфена Кодратьевна хотела сказать: «Бога буду молить», — но вовремя спохватилась:

— Век за тебе перед людьми заступилей. Я и денешку принесла.

Аграфена Кодратьевна достала из рукава напаны деньги, завязанные в белый платочек. Начала развязывать. Платок не слушался, попробовала помочь зубами, наконец развязала, положила перед Натальей рубль ассигнацией.

— Мало, — тихим голосом и не глядя сказала колдунья, — мало, Груня.

Аграфена Кодратьевна совсем заволновалась, добавила к рублю еще двугривенный.

Наталья мотнула головой, откинула тяжелые волосы за спину.

— А ить знала, ко мне идешь, петушок сказал.

И только тогда Аграфена Кодратьевна увидела, что в ногах у Натальи совсем не кофта, а петух. Тут она ие начала толкать стух, или, говоря по-калужски, авляя, что у нее отпалась нога.

Наталья авляла деньги, усмехнулась криво, посмотрела на Аграфену Кодратьевну, как положено колдунье, большими темными глазами, пошла за вечь, обегрунась:

— Так что тебе про Петрушу узнать?

— Живой ли? — охнула Аграфена Кодратьевна. — Как он там? — И авлякала.

И-за нечки раздался железный стук, как чашелинком по сковороде, на этом ие смолкло. Аграфена Кодратьевна решила ждать, твори про себя молитву: такой грех на душу авля.

Бельй петух важно прогнулвался по полу, склеивал под столом крошки, траз гробика, осмелел, подошел к Аграфене Кодратьевне. Она отхажунась:

— Кши! Стань, нечистаа!

— Чо, чо, чо, — авляла петух и посмотрел желтым глазом, — чо, чо? Время танулось медленно, уж и солнце высоко поднялось, а Наталья ие не новалывалась: век как Петрушу далеко занесло, это же надо ей к неку до Цусима доехать к кавад!

По ночам далеко за лесами мигали зарницы, или стороной короткая летние грозы, с яркими ветистыми молниями, с теплыми дождями, а в Тарутине было тихо и душно. Ветер шумел в поветках, и от этого смутного шумения далекие зарницы казались еще грознее. То ли грозно, то ли пошары.

Ветер пах гарью, и по Истье пыхли горелые бревна. У помещика Кулагина спалили имене. Смута кругом, объявили во всех уездах, что урядлены временные комиссии: будут пороть и сылать в Сибирь, а чо совсем народ разгулялся. Выследи афши с разьяснением: «Ука-

завная выше стора мѣра вызвана тем, что в некоторых мѣстностях крестьяне, к глубокому огорчению непрестанно забываются о них государя императора, наслушавшись наущений зломерзевых людей, врагов Россійскаго царя, и повѣрив лживым их уверениям, будто земля по праву принадлежит крестьянамъ, самовольно захватываютъ и расхищаютъ помѣщичьи угодья, рубяши леса и даже жигая усадьбы и грабляши имущество. Конечно, нарушители порядка среди крестьянъ немало. Громадное большинство сельскаго населенія не веритъ обманнымъ речамъ зломерзевыхъ людей, хорошо понимаетъ, что нельзя составить себе состоянія поворобивъ грабства.

Это точно, состояние себя не составивъ, думал Иван Семенович. Если год как сокол, то грабъ — не грабъ, все одно годки бумешы: грабятъ землю, непонятные настали времена. В городкахъ работать не хотят, москвичи и пестеры приезжали, говорятъ бѣствуютъ. Самаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

Иван Семенович всталъ, началъ бѣстовать. Смаробуйство, Вѣдальскаго князя, царскаго людю... — бомбой! Господи, сохрани, помилуй. Не хочетъ наги не воевать, ни по-старому такъ, того гляди и самого вѣсно с чайной завалит. Не приведи, отецъ небесный, а то можно, можетъ, оно к лучшему в такое время глаза заварить, чтобъ сразу болѣй снѣтъ полагъ.

— Здравствуй, батюшка.

Тихон вылез из-за двора, бочкомъ подошел к постели.

— Какъ здоровье, самоучительство? Спишь какъ?

— Чемъ это тебя несетъ? — удивился Иван Семенович.

— Не-де-ко-ло-дѣ-с-у с улюбкой отвѣтствовалъ Тихон.

— Опять по бабамъ шлѣдасъ?

Ежомъ теревъ ручки, хихикалъ, агадъ велелъ в сторону, но воярма спохватился, хозаи этого не любилъ. Достал изъ подкажа аккуратную тетрадь, дослонилъ папки.

— Иди, Иван Семенович, Колобовамъ долгу не платитъ. И Симанки не платитъ. Ни коней! Говорятъ, по терешеримъ времена баккеры. Я припугну. Думаю, до патничи пождемъ. Справаласъ насчетъ денъ, шеница по рубль девять едѣтъ, розкъ — по восемьдѣсятъ шесть, овно — по пѣтдѣсятъ семь, ячменя — шестѣдѣсятъ шестъ...

Иван Семенович прижалъ лѣвоу рукой, ему было все равно, почемъ розкъ, почемъ ячмень... А Тихон сложивъ пальцы, дѣлалъ свои по тетрадки, все переисчислялъ разные дела, прося оговорки и указаний.

— Ладно, ладно, — сказалъ Иван Семенович, когда стало немногого. — Иван Семенович прижалъ лѣвоу рукой, ему было все равно, почемъ розкъ, почемъ ячмень... А Тихон сложивъ пальцы, дѣлалъ свои по тетрадки, все переисчислялъ разные дела, прося оговорки и указаний.

— Иди, батюшка, я поаумаю.

И только Тихон ушелъ, Татьяна ввела фельдшера Николая Шершнева. После травоведъ Иван Семеновича дѣлалъ фельдшеръ, свой же, тарутинскій, к тому же одностокъ и соеда.

Шершневъ тяжелыми темными руками напугалъ плука, закрылъ глаза, началъ считать удары, чѣмъ перевелъ мокрыми губами. Крихтя, всталъ со стула.

— Ты еще силу имѣешь, дай бо!

Татьяна уже накрывала стол, и фельдшеръ своимъ глазомъ в ее сторону. — Я тебе завезла лекарство доставлю, будешь пить, чѣрезъ неделю в Бороздѣ будешь ладно.

Шершневъ подошелъ к столу, не садясь, из тонкаго горластого графина налилъ розмукъ-бухарку, подмигнулъ Татьяне.

— Всякого вина благополучно! — Подмигнулъ Ивану Семеновичу. — Вдѣла. В мѣть, вѣсь в окошкуну у тебѣ чохло, хороно.

Фельдшеръ, почмокая, закусывая студнемъ. Только после этого сѣлъ, началъ вспоминать.

— Вывало, мы с твоимъ паняемъ гляди. В молодѣе-то годѣ! Это оно сейчасъ лежитъ, болымъ называется, адыклетъ, шивод. А тогда уяу... Подшюфа какъ вѣшалъ, а закусыва, а закусыва, а закусыва. Да еще вяля, гала вытрахитъ, опростается и сидитъ, какъ свѣча передъ киномъ. А я за него лѣснѣ поѣ.

«Дуракъ» — беззабыло думалъ Яковлевъ, глядя на Шершнева, — не былъ я тогда в домъ, а такъ буду».

В домъ Иван Семеновича пришла одна молочная кашей, какъ дѣтато, с ложки, вѣбѣла подухну, повоздѣхала, ушла.

— Васкя! — крикнула Иван Семеновичу. — Васкя, сунуи потро! Убежалъ Васкя, расстрѣванный сынъ, красивый, но никакъ Тихонъ живиши уѣздъ.

— Зачемъ звани?

— Утиральныи возьми. Развѣя!

Хотѣлъ съѣздитъ Васкѣ в око, но было силъ дотянуться.

— Иди.

— Иван Семенович, — заикнула Васкя, — чего Тихонъ Прокофьевичъ дерѣтасъ...

— Дерѣтасъ, значитъ, надо! Иди, Фискалъ малолѣтний! Чѣмъ не видѣл!

«Бра я на него», — рѣшилъ Иван Семенович, чуть оствѣя. Тихонъ зарпостро чѣмъ-то, ахнулъ со свѣтѣ, оживѣлъ. Вы сдѣлаласъ жалко Васкю, но никакъ мер не предпринялъ, повернулася к окоу, закрылъ глаза и какъ будто вяла в забытѣ. Пришелъ к нему тихонъ сонъ.

Присидѣлся ему ярмарка в Петровскомъ, Карусель. Вябѣй вягъ. Цыганъ в красной рубашкѣ торгуетъ чалого жеребѣ. Стеной солдатъ в завошепной шинели ищетъ жармаконе, и худой паренекъ, сынъ солдата, обходитъ слушателей с карузломъ. Слушатели дѣлуютъ семечки, сплевываютъ наземъ, бабы при этомъ еще и утираютъ слезы жалости, но подаютъ не оченъ: ярмарка только началасъ.

Въ все это — жѣлѣзѣ прошла, столько летъ назадъ, Иван Семенович, совсемъ еще маленького, вязъ с собой отецъ. Мать противилася, говорила — незначемъ.

Домомъ в Тарутинѣ возвращалася ночью, ехали дугами, телега катилася валко, и небесахъ началася августовская звезда. Иван Семеновичъ лежалъ въ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ дѣлунилъ во се такіе слѣзѣ, будто в одностѣхъ сталъ маленькимъ и теперь ему всю жизнь навѣстѣла завѣно с той окои. Ему было похороше, а Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ дѣлунилъ во се такіе слѣзѣ, будто в одностѣхъ сталъ маленькимъ и теперь ему всю жизнь навѣстѣла завѣно с той окои. Ему было похороше, а Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ дѣлунилъ во се такіе слѣзѣ, будто в одностѣхъ сталъ маленькимъ и теперь ему всю жизнь навѣстѣла завѣно с той окои. Ему было похороше, а Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ дѣлунилъ во се такіе слѣзѣ, будто в одностѣхъ сталъ маленькимъ и теперь ему всю жизнь навѣстѣла завѣно с той окои. Ему было похороше, а Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ дѣлунилъ во се такіе слѣзѣ, будто в одностѣхъ сталъ маленькимъ и теперь ему всю жизнь навѣстѣла завѣно с той окои. Ему было похороше, а Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ дѣлунилъ во се такіе слѣзѣ, будто в одностѣхъ сталъ маленькимъ и теперь ему всю жизнь навѣстѣла завѣно с той окои. Ему было похороше, а Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ дѣлунилъ во се такіе слѣзѣ, будто в одностѣхъ сталъ маленькимъ и теперь ему всю жизнь навѣстѣла завѣно с той окои. Ему было похороше, а Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ дѣлунилъ во се такіе слѣзѣ, будто в одностѣхъ сталъ маленькимъ и теперь ему всю жизнь навѣстѣла завѣно с той окои. Ему было похороше, а Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

Иван Семеновичъ дѣлунилъ во се такіе слѣзѣ, будто в одностѣхъ сталъ маленькимъ и теперь ему всю жизнь навѣстѣла завѣно с той окои. Ему было похороше, а Иван Семеновичъ врендаласъ на колѣблѣномъ, у дороси испуганно кричала чинные пѣтчи. Цѣлѣвъ сенномъ дѣтѣмъ, сплоскаяго подвѣснѣ, уже оставшѣй пылью. Отецъ целовалъ мать, прижимая къ себѣ: «Любушка моя, цѣтики... Мать пугалася: «Ой, ну тышь ты, Сена, мамѣ услышитъ».

багму у переездов, кирпичные водоканалы он не мог, кобыя ему досталась быковая, далеко от окна. Казалось, во всей жизни никогда ничего не было, кроме той дороги, звякавшей вагонами цистерн, буферов, переходных площадок. С вечера и до утра перед глазами казались фонари, три фонаря на весь вагон и топики. Было известно, что в Москве беспорядки, стрельба, пожары, голод, бастуют фабричные, побросали работу, а студенты требуют свободы, перерезывают трамваи, ругают телеграфные столбы, и чем все кончится, неизвестно не знает. То же было на всем пути следования.

Всю дорогу в вагоне слышались разговоры матросов, граждане солдаты, граждане крестьяне... Не одиночки переторали со вздохом: «Вся Россия поднялась на дыбах».

Наконец, как соблазнили официально: «Сибирским поездом Московско-Кавказской железной дороги приедем к Давидово в Петербург через Москву провозага турьской скоростью бывший командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Ростомский со своим штабом, возвращаясь из японского плена».

Титулы короткую информацию о газетках, но ни оркестра, ни войка для оркестра ни в Москве, ни в Петербурге. Ни на что было и не до того: шли уличные бои на Пресне, рабочие дружины разружали городские. Только что назначенный московским генерал-губернатором генерал-адъютант Дубосарь в Белом зале губернского дома, отпавившись в кулуар, заявил хорошо поставленным командирским голосом, что принял новые назначения, как призываю боевой пост.

Московский обыватель, какой месяц находившийся в растерзанном, на следующий день мог читать в газете, прислушавшись к грохоту на улицах, что «террор», «митинги», «взрывы», «убийства», «продовольственный кризис», «вечные собрания», «всё присутствие», «всё вышло» было подним духа», но газетному тексту не верил. Не чувствовал ни сильного возбуждения, ни большого покаяния.

В Москве гремела настоящая война. По силовым переулкам, каляная полиция по домам бродила, на рынках происходили казачьи разведки. Подползли артиллерия. И артиллеристы на городских площадях задевали тесакими срывали крышки со снарядных щиков.

Четырехдневное путешествие от Владивостока до Москвы кончилось. Последний раз взглянул по всему составу на конца в конец сценки и буфера, санитарный вагон оставался, не было перед ним ни перрона, ни встречающих.

Москва встретила неожиданной тишиной, морозом, снежной пылью и вагоны окна.

Персонал, сопровождающий раненых и больных, сразу куда-то исчез. Возникло недоумение, и началось ругань. Почему нет выгрузки? Что такое? Ничему, так их, японцы не научили!

И вдруг среди неожиданной тишины по всему поезду закатили драмы, раздались крики, как в войну, и в вагонах появились штатские с крапивою повязками. Тот, который шел первым, поддал руку:

— Товарищи, в Москве революция! Гражданин офицеры просим сдать оружие!

Вскоре несколько минут выяснилось, что офицеры, ехавшие в головных вагонах, оружие уже побросали в окна на заснеженный перрон, а рота солдат, размещенная в головнике, никаких видимых действий не предпринимала. Своих винтовок не бросила, но защищать часть офицера отказалась.

Дружинники, собрав оружие, исчезли, и было их всего человек двадцать, никак не больше.

Смеркалось. Ветер гнал снежную пыль, хрипел паровоз, требуя свободного пути, и несвое было, чего жалеть, как будет дальше.

Японцы поехали халявой. Драгуны, спешившие, оценили состав, കൊги-исокали, махали руками, бежали вдоль путей, цеплялись шпорами за шпалы. Офицеры из трех первых вагонов японцев стреляли, не держа ноги и вынато опустив головы в лохматых мажорских панталонах, прощали в здание вокзала.

Поздним вечером, почти ночью в санитарной фуре, пропавшей усом и казенной капустой, Карандеева доставили в Лефортовский военный госпиталь.

Точного диагноза у него не было. В Цуемском сражении Карандеева не ранило, не контузило и не мочило. Его разбитый и полуотключенный организм выжил. Ком Нерг Петровича, который остался в Японии, выносил на верхнюю палубу раненого, а когда с пробковым кругом прыгнул за борт, было почти поздно: еще чуть-чуть, и его бы затопило с кораблем.

Но и тут ему повезло, он был молод и хорошо плавал.

В тот момент, несколько часов спустя, Карандеева и опускаясь в море. Японцы подошли ближе, де-ам бортом дали залп по нему, что бархатился в соленой воде. И слова были Карандееву удача: слова остались жив. Его только накрыло волной.

Почти на спешившем, подлетевшем сивем рядом, развернулся, набрал полный ход, дымя его трех трух силнее в одну полосу, двинулся прямо на Карандеева, чтобы изрубить винтами, раздвинуть тяжестью колес бронию бортов, разрезать стальным форштевнем. Но и здесь Карандеево повезло. Остался живым.

Японский крейсер, не заскочившая машина, не спускал шлюпок, что подобрать русских, развернулся, с его кормы три раза крикнул: «Банзаи!» Японцы спешили добить остатки второй Тихоокеанской эскадры. Карандеев сам выплыл на берег.

Почком был Сидоров, Владивосток, был медицинский осмотр. Доктор удивился: «Ну ты, братец, однако, и худ же! Решительным образом склеил!»

Санитарным вагоном его отравили в Москву, не сообщая диагноза, потому, очевидно, что японцы чинили звать свои болезни незачем. Сам Карандеев считал, что у него горячка.

Как георгиевского кавалера в Лефортово его положили в офицерскую палату, были свободные места для фронтовиков. Русско-японская война кончилась миром, японцы шли в Москве, и в той самой офицерской палате вместе с Карандеевым оказались японский штаб-офицер, кандидат военна, когунженский казнен в голову, два летющих офицера и городской Суевской части Перфильев.

Каждое утро начиналось с того, что старик сидел в застывшем состоянии. Блуждал глазами, выходя из себя. Присел на короткое, он по одному укладывал полевую на желтый лист у печки, греял чужую ладонь, шуровал кофеточку, выбрав вчерашнюю лозу.

Слушатель доставал из-за пазуха лунчики, кусочки хлеба, укладывал дрова в печь, запивал, и дух на пламя, и дивит заселости, пока огонь не разгорелся по-настоящему. Стрижался с себя мушкет, и стрижку, замечал, что все проснулось, говорил: «Доброго здорювца вам. На дворах хорошеет».

Еще не рассветало. За окном ночь. Пламя из притократой печной дымовой высушвало то кусок стены, то кусок полозатого казенного одеяла, дожились красными пятнами на сонные лица, блещало в глазах, искрилось в морозной мгле в окне. Карандеев слушал выжидательный так и кушину с водой. «Умомеис, господо хороше, сполонем господо со сна».

Умыивался по очереди. Когда очередь доходила до Карандеева, годы в кушину оставались только, что слегка плещут на лицо.

«Поздравляю», — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

После завтрака и зрачевного осмотра господо офицера, закури, начитывался, — говорил старик, — «вас, желаеме, привет, и принажете, и митинг. Студенца волнует». Карандеев отказывался: старик был совсем ветхим, лишней рад посылать стыдно.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Бану, Сонгад, Море, вышка и ветры. Ветры и ветры. На погах стоишь человек — Бану, Центр, Улица, Дома, Люди, Стада, автомашы. Миллионы нах в партеристиках в своем высшем калитериче. Официозы, Метро, Магазины, Явно и нестро. В глазах раби.

Бану восточный и Бану европейский. Где-то на границе. Речь, миссионерская дедка, как выдох амордодона. Там говорит азербайджанец на своем языке. Там говорит русский на своем. Любим, если он Бануев.

Бануев — понятие. Величественное понятие. Значительное. Не просто гражданские стволы Азербайджанской Социалистической Республики, а граждане этой стволы, которые приняли, применили и себе подобно множеству других наций. И все они, эти люди, при значительном боль-

шинстве избороженности республикам, годами восточными зданиями особыми, сочными, повторенный там бануев.

Годами. Многими и неслетными. Годами, неоплотнившими беспримерным историческим опытом. Добро боронясь со злом. Победило добро. Победило политическое, государственное. Модливо, но верно стало казнить из сознания людей остатки собственности, остатки шовинизма и национализма, остатки прочей мерзкой отравы, гнездящейся в душах людей. Легко возбудить заразу. На печенье идут годы.

Шагает сейчас Бануев по своему городу. Свободно, легко ему. Город — его, Магазины, театры, метро, вышка, солнце, море, ветер — его. Простота и улица — его.

Шулам — улица, и Шулам — человек. Если у кого-нибудь это привычное название позвонивает в ухо сорной-безделушкой, встает, товарищ, за

руку толстого и скважи ему прости — Шулам — это человек. Он возмужел ходить по Бану вот так, уверенно, легко, без шипения, без неслетной угрозы торжественной решительности, без вымороженного мускулатистого, без вымороженного, без истерик душавого, что он измывает своей личице. Он любил и был любим. Он любил своих детей. Он, родившийся в городе Тбилисе, учившийся в городе Рыге и в городе Берлине, по складу своего ума мог стать философом. Он стал борцом, чрезвычайным комиссаром Кавказа. И здесь, в Бану, много лет вел за собой трудовой народ.

Однажды он сказал:

— В счастье, товарищ, поздравить вас с объявлением Бану Трудовой Коммуны.

Говорил о будущей социалистической стране, который для нас уже реальность, о новых отношениях труда и капитала, о новом, социалистическом образе мышления и чувствен-

ности. Это было 2 июня 1918 года. В этот день Бануевским Бануевским национализировали нефтяную промышленность. Ушел человек, на котором лежало старое, привычное миф. Как все это ударило по коммунизму, по кубинизму, по сейфу в Бану!

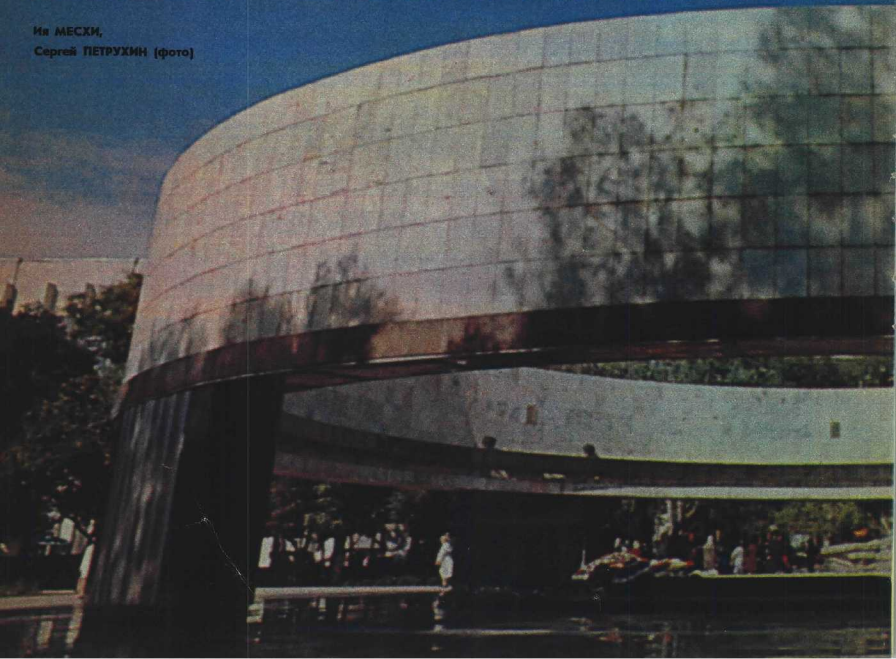
Бану этого не простила. Против него объединились социал-предатели всех оттенков: мускулатисты и восточные дашнаки и меньшевики. Если до сих пор речи их можно было принять за революционные, то стоило перейти шагнуть, как все объявилось и стало на свои места. Завоевано английское золото. Забрала германские оружье, турецкие сабли.

Три месяца и три недели ждал после этой речи Степан Шулам. Потом у него отняли жизнь. У него и его единомышленников.

Рассказы это ничего не поминдуют и повели за собой на площадь комиссаров, к амьорану 16-ти. Там всегда люди. Там всегда молодые. Они ко-

Из МЕСКИ,

Сергей ПЕТРУХИН (фото)

**У МЕМОРИАЛА
СЛАВЫ,
МУЖЕСТВА И
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА**

диз, спорты, думают. Пытятся уйти на два года, кто живет в семье, а для тех, кто не имеет. Мемориал — памятник для памяти. Человек живет без глаз, без рук, без слуха. Без памяти человек превращается в чуждого.

Вместе со Степаном Шауляком лежат в одном ряду 36 человек. Он страдал ими самым страшным и по порядку. Ему 46. Остальным тридцать с чем-то, двадцать с чем-то. Редактору «Известий Бакинского Совета» Сурану Османову 28, 27 лет редактору «Бакинского рабочего» Армену Аларину, 26 лет Григорию Петрову, которого Ленин послал в Баку чрезвычайным военным комиссаром от Центра. Молодой, они лежат тут без слезы. Мускулы играют. Почки не знают сухости...

В ту ночь, когда губернский комиссар Мамедов Азизбеков ушел в командный поезд Закавказской железной дороги на узкой Бакинской Азиатской улице

раздался прирыв молнии. У Мамедов родился дитя.

Они должны были жить, эти люди. Мамедов был инженером, козак от меча, вылетел от вояки этого города. Неустойчивый человек, смел и романтичен, дипломатичен и рискован, он был одним из организаторов партии азербайджанцев-коммунистов и агитатор. И как упрямый мусавальтлик «Исламские войны»

Алиева Диналаридзе собирались стать учеником. Его родина — верховья реки Риони в Западной Грузии, горный село Шердидети. Его родимыми силами Главного Кавказского хребта, снежные пики, бурные ледяные потоки и небо нестерпимо синее и близкое — рукой достать! И его родина — азулутный, вышайский и ветряный Баку, которому он отдал 14 лет своей самой активной и зрелой жизни, став в Коммуне комиссаром, внутренним делом. И хотя за эти годы были у него туманный Лондон

[сладя РСДРП] и холодный Великий Устюг [сладя], злобный Трансурид [партийное поручение] и суровый сибиряк Енисей [сладя], все это работало на него, на Баку.

Тамбовский Иван Фролов, крестьянский сын, ставший слесарем на побелевских промыслах, ставший рабочим в азибонцов рабочих и их ассоциациях [Вачаговас называли они его], ставший государственным деятелем Трудовой Коммуны, комиссаром по делам народного хозяйства.

Родом бибиски, выпускник Московского университета по историко-филологическому факультету Григорий Корганов, комиссар Коммуны по военно-морским делам. Родом из Белоруссии, из маленького еврейского местечка на Могилевщине, Яков Зарян, комиссар труда. Родом из Шуши, что в Нагорном Карабахе, Мир-Гасан-Зейвер, комиссар земледела. Родом рюкане, два моряка, два участника штурма Зимнего в октябре

1917 года — Владимир Погумин, чрезвычайный комиссар Военно-Морского флота, и Эмиль Берг, член Военно-Революционного Морского Комитета.

Неважно, откуда они пришли. Важно, что они боролись за Бакинский Коммуны, что они повели за нее. Все вместе, в один тригический час. Они были до действительности честны, приволонеры и благородны.

В конце августа 1918 года в Совете обсуждался вопрос о приглашении в Баку вытесненные войск. Иностранцев эсеров, дашнаков и меньшевиков: не справимся с наступлением на Баку турок, не справимся с голодом и т. д. На своем деле — тайный створ с англичанами, на самом деле — при помощи англичан вытеснить из Баку большевиков. Большевики настаивали: никогда никаких компромиссов с интервентами, душоглядами Советской России!. Большинство депутатов-коммунистов в эти дни были на

Пророков нет в своем отечестве

Куда шагает человечество!
Дай человечеству ответ!
Пророков нет в своем отечестве,
В чужом тем более их нет.
Мы на ответ не уповали
Льши, потому, что каждый раз
Враги пророков убивали
И кто-то шел на смерть из нас!
Мы — это люди,
Это люди
Всех поколений и времен.
И кто из нас пророком будет,
О том и сам не знает он.
Идет, летит, спешит дорога
От зла и к добру
Из века в век.
И это знает без пророка
Обыкновенный человек.
В плену забот о человечестве
Встречает он сплывший рассвет.
Пророков нет в своем отечестве,
В чужом тем более их нет.

Стандарт

Мне как-то странно, что на свете,
Где есть борьба, любовь, азарт,
Где совершенствуются дети,
Так возвышается Стандарт.

Пред ним склоняются повсюду,
Как перед чудом мировым,
И атланты кружатся вкручу,
И называют типовым.

Всему, что дорого и мило,
В чем слышатся стук живых сердец,
Он — абсолютное мерило
И безусловный образец.

Иные нормы умирали,
Иные нормы брали старт...
Владычество над мирами
Его величество Стандарт.

Емуaleb-слез несут на блюде
И города, и корабли,
И образованные люди,
И нефтяные королы.

Он мера их делам и чувствам,
Он учит их любить, страдать...
И лишь пред истинным искусством
Бессильен прикидываться Стандартом.

Раздумье

Все плоды само лето развесило,
Гуется с самой землей ветки грузные.
У меня на уроде вродо весело,
Вы сказали: глаза очень грустные.

Неводнем вам мое состояние,
Разобраться в нем — дело нелегкое.
От души и до глаз расстояние
Между тем не такое дальное.

С каждым днем этот путь
все затмевнее,
Вам его не постычь тем не менее.
Ах, душа! В них сияние летнее,
А глаза — в них раздумье осеннее.

Вы глаза на меня поднимаете,
И душа ваша ждет оправдания.
Между нами, как вы понимаете,
Не должно быть совсем расстояния.

Бестоловый

Говорить обо мне: бестоловый,
Что тут скажете и как тут быть?!

А по-моему, право слово,
Бестоловых надо любить.

Бестоловый без шуки, без грому,
Словно мой язык, всплывает по тьме.
Бестоловый поможет другому,
А толковый — себе на уме.

Я прошу тебя снова и снова,
Ни в каких грехах не вина,
Растолкуй:
Если я бестоловый,
Так за что же ты любишь меня!

Впрочем, нет, о себе я не мыслю,
Вспоминаю своих друзей.
Бестоловый — он бескорыстный,
И бесхитростный, и добрый.

Он не ищет из себя пророка,
Рубит уголь, возводит дома.
А толковый, скажу без упрека,
Часто сам от себя без ума.

Речь, наверно, веду бестолово,
Мои доводы просто разбиты,
Но, по-моему, правду же слово,
Бестоловых стоит любить!

Вавилонская нава

Хороша, горделива
У хвост на виду
Вавилонская нава
В Никитском саду.

Между тем как в поклоне
Ее голова,
И в зеленой короне
Сквозная листва.

На весенних отрогах
Таврических высот
Сияет ленивый недотрогой,
А на ветвях.

Ветви — тонкие лозы,
Как струйки звучат.
Вавилонские слезы
В апрельских лучах.

Не плануею мной
Вставать на пути,
Молодой и красивой
Цивести да цвести.

А она тихо плачет
У раскинутой ворон.
Слез солонее не прачет,
Сквозь слезы цветет.

Незнакомые лица
Вблизи и вдаль...
Измурдые листья
До самой земли.

Тучки, тучи, облака,
Как бы день ни омрачали,
Разойдутся... А пока —
Небо, полное печали.

Купол мраморный набит
Темно-серой вязкой ватой.
И душа моя скорбит,
Будто в чужбину зановата.

Успокойся ты, душа,
Осень сердце не остудит.
Жизнь чертовски хороша,
Ветер дует — тучи не будут!
Только мал, уходит день,
Сквозь небесное окошечко.
Тучки — вздор,
Но и они
Закрывают солнце.

Затяжной прыжок

А я во сне уже не летаю,
Не падаю, руки раскинув,
В рожь.
И ты мне не скажешь, мама,
Я знаю:
Летаешь во сне —
Знаешь, растежешь.

Ты говоришь:
Расти, мой милый!
Водой дождевой мыла голову мне —
И небо,
— небо

меня манило.
Я рос,
Синела роса на стерне.

Я выбегал на летнее поле,
А ты мне вогорнич кричала:
Вернись!
И было мучительно сладко, до боли,
Падать нишком,
Головою вниз...

Аэролабы,
Аэрооры,
Парашюта сияния.
Парашот.
И чья-то женщина,
По имени Верса,
Черные волосы свивает в жгут.

Ждут —
Парашот раскроется туго.
Ждут —
Он побьет мимозой ренорд.
Ждут —
В точку вглядываются туго.

Ждут —
Он на земле лежит мертв.

Он в землю вошел,
Как комета,
С налета.

Его породила и убила
Земля...
Ах, затяжные прыжки с самолета!
Ах, без отца и сына сомял!

Я мог бы тоже прыгать так смело,
Ждут и не ждут.
О, долго-долго леги, мое тело,
Не раскрывайся, мой парашот!

Руки раскинув,
Лечу в нее прямо —
Не приближаюсь, помедли,
Земля.

Сшех мне рубаху белую, мама,
Я не хотел огорчить тебя зря.
Мне в этой жизни надо так мало —
Чтоб ты не старела,
Чтоб я не летел в пустоту...

Ты не буди меня, слышишь, мама,
Я снова летаю,
Я снова расту!

Поля ждут снега,
Сны — сожжены,
И, самым интелом дорожа,
Не суеты, не сожалея,
А очищенная ждет душа.

Чтоб, ввечеру нам намелетил
Намная гусиного пера,
К расцвету —
Набело,
Ни тени —
Легко легли ее поля.

Душа,
Безбрежна,
Беззатонна,
Раскинулася во все концы.
И только тихо,
Только немже
Звенят все те же бубенцы.

Они,
Потерянные с тылом,
Среди беззвонья,
В глуши —
Цветы замерзши России —
Живут на домашних душах.

А вне ее пределов
Где-то
и жуть,
И неопределенная дерзость,
И неосознанная суть.

Всё,
Что вראה судьба-вещунья...
О, пусть,
От счастья дрожа,
В ночь торжества и новолуния
Души возвысятся душа

До новых,
Светлых откровений,
До азятых знавоу вышот...

И это будет,
Как прозрение,
Как свет,
Пролыхивший из сот.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

ПРИЕМНАЯ АРМИИ

ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК

В АРМИИ ОНИ ПОВЕДУТ БОЕВЫЕ
МАШИНЫ.

В СЕКЦИИ АКВАЛАНГИСТОВ РЕБЯТ
НАУЧАТ РАБОТАТЬ ПОД ВОДОЙ.

С военным комиссаром города Москвы генерал-майором Алексеем Ивановичем МОРОЗОВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Владислав ЯНЕЛИС
Фото Альберта ЛЕХМУСА

з намяти тех, кто носил или носит военную форму, ерад бы можда-либо изглядится живописца, отделившие друг от друга его шитую и военную жизнь. Пред ли забудут и люди, которые совсем еще не поосному, но уже как мужчины мужские совершили тебе о том, как серьезе и значительнее выбор армейской специальности, как много требует Родина от своих защитников, сколь трудна и почетна деятельность оища Советов Социалистических Республик.

Армия начинается с военного комиссариата. О том, как строится его многогранная работа, какую роль в судьбах юнойшей широты офицеры-основатели, как повсюду рассказывает военный комиссар Москвы Алексей Иванович Морозов.

Жизненный путь генерала Морозова — пример беззаветного служения Родине. В двадцать три года выпускник Хабаровского пехотного училища уже командовал стрелковым полком, через несколько лет — вышней, неоднократно проявляя личный героизм в боях с фашистскими захватчиками, был награжден орденом. Тонкий наблюдатель, бесстрашный воин, он многие годы посвятил воспитанию молодежи, находясь на посту военного комиссара столицы.

— Если позволите, сначала вопрос, касающийся вас, Алексея Иванович. Вы, в прошлом боевой командир, не считаете ли по правде сказать, что в стрелковой части? Ведь в представлении многих действительности военных комиссариатов носит империалистический характер.

— Вопрос сложный. Человеку вообще свойственно несколько идеализировать свое прошлое, вернее, какое-то его фрагменты. Больше известно, что мне, солдату, дорога память о фронтовых годах, боевом товариществе, о замечательных людях, с которыми довелось плечом к плечу прожить врага. И все же моя служба командиром дивизии в разные время и выполняемая работа складываются разное, что условиями, внешней обстановкой. Внутреннее содержание моей работы и в том и в другом случае — воспитание в молодых людях безграничной преданности нашей Родине, качества, присущие воинам Вооруженных Сил СССР.

Что касается присутствия так называемых элементов канцеляриши в нашем деле, то, конечно же, не они определяют характер работы военного комиссара. Потому что в каждом отдельном случае офицеру воспитателя и не меньшей степени, чем любому другому офицеру, приходится иметь дело с человеческой судьбой, так или иначе участвовать в ней, а это не терпит никаких штампованных решений. Дело, которому отдает силы сотрудник военкомата, требует от него больших душевных качеств, педагогического таланта, эрудиции, определенного жизненного опыта. Не это, по моему глубокому убеждению, способным лишь людям, любящим свою работу, понимающим ее значимость.

Алексей Иванович, вы упоминали о том, что работниками военкоматов приходится принимать участие в судьбах молодых людей, которым предстоит служить в армии. Нельзя ли рассказать об этом подробнее?

— Регистрирующие функции — едва ли не самая малая часть нашей работы. Переуступая порог военного комитета, молодой человек испытывает различные чувства. Его обязательно волнует итог первой встречи, первого разговора с офицером. Именно тогда во многом определяется дальнейшие отношения между юнойшей и военным комиссаром, а зачастую и судьба парня.

Во время беседы с будущим военным офицером обязан составить для себя как можно больше подробных представлений о его наклонностях, увлечениях, слабых и сильных сторонах характера. Это необходимо во многом потому, что предстоит решить, в каких войсках его собеседник окажется максимально полезным, а и для того, чтобы за время, которое пройдет от первой встречи до дня призыва в армию, попробовать каким-то образом повлиять на молодого человека, если есть необходимость. А необходимость такая бывает.

Я не раз наблюдала за юношами, пришедшими к нам впервые. Один выдался растерянным, другой — одолевал любопытство, третий держался невызывающе. С последними хлопот больше всего. Офицер должен разобраться в этих ребятах, понять их, помочь им сбросить с себя всякую неуверенность и страх. Если того требуют обстоятельства, офицер встречается с таким парнем несколько раз, разговаривает с ним о том, что волнует молодого человека, пытается найти к нему подход и довольно часто небезрезультатно.

— Участие работников военкомата в судьбах молодых людей, конечно, не ограничивается беседами, наверное, существуют формы практической помощи призывникам и членам их семей?

— Безусловно. Случается, что допризывник еще не выбрал себе дела по душе. В обязанности одного из отделов комиссариата входит помочь ему устроиться на работу, доузнать специализацию, выявить наклонности юноши, мы порекомендуем ему приобрести профессию, которая впоследствии окажется полезной в армии.

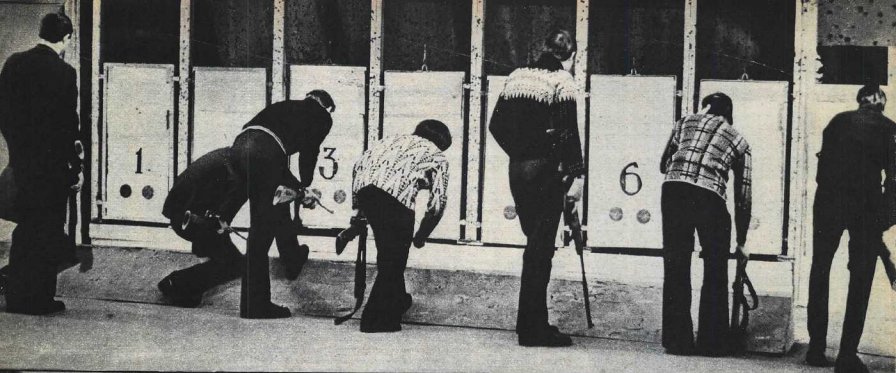
Можно привести множество примеров, когда сотрудники военного комиссариата трудоустроивали уволенных в запас воинов, находили наилучшее применение их знаниям, находили работу во время службы. Совсем недавно мы от всей души порадовались за Вячеслава Гусева, ученика школы. В армии он водил тяжелые колесные машины, имел несколько благодарностей от командования.

А теперь Вячеслав, работавший по направлению военкомата шофером на Люблинском аэровокзале, закончил школу, повысил свою классность, завоевал в коллективе авторитет как хороший специалист, активный общественник.

Нередко в военной комиссариат людей приводят дела, как случилось на первый взгляд, весьма далекие от военных. К примеру, квартира, в которой живет семья, проводившая в армию кого-то из близких, нуждается в ремонте. И родные война приходят в военкомат с просьбой ускорить дело. Да разве чуждо этой Везде принимаем на себя ответственность за судьбы молодых людей, мы тем самым отвечаем за моральный дух воинов, их психологический настрой. Вряд ли будет справедливо требовать многого от солдата, который обременен судьбой своих близких. А причин для такого беспокойства бывает немало: жена не может устроить ребенка в детский ясли, младший братишка провалился на экзаменах в техникум, заболела мать, большой семье стало тесно в квартире. И военной комиссариат обязан помочь. Этого требует не только наш долг, но и элементарная гражданская совесть.

— Интересуются ли работники военкоматов судьбами воинов, которым они когда-то стали «крестными отцами»?

Вместо ответа на этот вопрос я могу предложить вам возможность познакомиться с подполковником равнинного комиссариата. Добрая ее половина — письма из подразделений, в которых служат наши ребята. Бывает, что не все сразу удается у парня, попавшего в новую для него среду. И на сто вопросов ложится письмо, в котором молодой во-

ОТСТРЕЛЯЛИСЬ.
В МОРСКОМ КЛУБЕ ДОСААФ.

ГРАНАТА ПОКА УЧЕБНАЯ.
«А ВЕДЬ И Я БЫЛ ТАКИМ».

ЛЫЖИ ПОКАЖЕТ.
КТО ИЗ НИХ БЫСТРЕЕ.

ГОДИ!

ПЕРВАЯ БЕСЕДА С ВОЕНКОМОМ

ПРОЩАНИЕ

ни согнет на жизнь. В таких случаях важно приободить его.

Как правило, переписка продолжается все время до службы и постепенно приобретает скорее повествовательный, чем утешительный характер. Молодой человек рассказывает о своих успехах, о товарищах, а порой и о таком глубоко личном, о чем не всегда хочется делиться.

И нет для нас радости большей, чем письмо командира войсковой части, в котором он благодарит нашего бывшего призванного за отличную службу. В одном из таких писем рассказывает о офицере Викторе Мамылине, призванном Александринским райвоенкоматом. В августе прошлого года Мамылин, охраняя государственную границу, задержал опасного нарушителя. Горьким мы и молодым Александринским райвоенкоматом, героизм при тушении пожаров был представлен к правительственной награде — медали «За отвагу». Подобных писем сотни.

— Алексей Иванович, рассчитайте, пожалуйста, о призыве в армию. Какова механика подготовки и отбора призванных для различных родов войск?

— По Закону о всеобщей воинской обязанности на действительно военную службу призываются юноши, которым ко дню призыва исполнилось 18 лет, и молодые люди, окончившие учебные заведения и не достигшие 27-летнего возраста. Разница в том, что первые служат два-три года, вторые — один год.

При предварительной проверке юношей к роду войск мы, конечно, в первую очередь руководствуемся интересами обороноспособности государства.

На первом этапе степень годности юношей к службе в тех или иных родах войск определяет медицинская комиссия. Случается, что желание парня расходится с его физическими возможностями. И вместо воздушно-десантных войск, о которых мечта, он попадает, например, в артиллерию. В десантники мы отбираем наиболее выносливых, обладающих крепкой физической закалкой.

На основании заключения врачей, личного впечатления, характеристик, желаний самого юноши, призывной комиссии предстоит предварительно решить, в каких войсках тот будет служить. Немалую роль при этом играют общественное лицо юноши, знание им специальности и другие факторы.

— Алексей Иванович, с момента призыва до призыва в армию проходит немалый срок. Как используется это время призванными?

— Многое зависит от того, в каком роде войск предстоит служить юношам. Значительная часть ребят проходит обучение в учебных группах ДОСААФ и других организаций, где они приобретают военную специальность. К примеру, если призванный собирается стать десантником, он обязан совершить несколько прыжков с парашютом и пройти соответствующую подготовку в одной из секций ДОСААФ.

Учебные пункты ежегодно готовят для армии рядовым, водителям автомашин, связистов, механиков, специалистов других профессий. Такую подготовку сейчас проходит довольно много призванных. В армиях идут специалисты, знакомые с современной техникой.

— Вероятно, особые требования вы предъявляете к ребятам, которые выразили желание поступить в военные училища?

— Да, конечно. Отбор в военные училища — дело очень ответственное. Удал мы направим лучших из лучших. Офицером может стать далеко не каждый. Отличное здоровье не все, что необходимо курсанту военного училища. Он должен быть политически зрелым, успевать по всем учебным дисциплинам, участвовать в общественной работе.

И чтобы лучше узнать ребят, задолго до призыва райком комсомола и офицеры военкоматов присматриваются к юношам, бывают в школах, где они учатся, беседуют с их преподавателями. Многие приходят в военные училища по комсомольским путевкам райкомов ВКСМ — это наш особый фонд. Довольно, оказавшее влияние комсомолом, как правило, определяется, и большинство из них становятся отличными офицерами.

— Какова роль призывной комиссии в решении судьбы призванного и из кого она состоит?

— Полномочия комиссии обозначены законом: это — медицинское освидетельствование призванного; принятие решения о призыве на действительную военную службу; предоставление отсро-

чек, освобождение призванного от воинской обязанности по болезни. Безусловно, ни один закон не может предусматривать все обстоятельства, поэтому часто комиссии приходится рассматривать вопросы, выходящие за рамки инструкции.

Воснованно типичный случай такого рода. Перед часами комиссии стоит парочка из двоих-трех разгневанных ребят. Офицер спрашивает, не желает ли у него просьб к комиссии. Оказалось, что он несколько лет не видел отца, работавшего на Крайнем Севере. Отец должен приехать на следующую неделю, а он не успевает встретиться с ним. Члены комиссии перегадывают, большинство из них сами родители, и желание парня удовлетворить они понимают. И они решают в виде исключения перевести парня в другой род войск.

Состав призывной комиссии таков: председатель — военный комиссар; члены комиссии — заместитель председателя районного Совета депутатов трудящихся, представитель райкомов КПСС и ВКСМ, военный областной врач. Любое решение принимается большинством голосов.

— Алексей Иванович, мы уже давно на посту военного комиссара Москвы. Чем вы можете сказать об уровне знаний, морально-политической, физической подготовке молодежи призванного возраста промышленных предприятий и сельских районов, оказав на современную молодежь. Закон о всеобщей воинской обязанности, принятый несколько лет назад?

— Попрошу ответить по порядку. Что касается уровня знаний промышленной молодежи, то, бесспорно, повысился. И в этом значении нашего времени, времени точных чисел, результат глубоких экономических и социальных преобразований, происшедших в жизни нашего общества. Нынешняя молодежь стала получать в школах знания физики, техники, искусства, двенадцатилетние мальчишки могут спорить об аэронавтике. Словом, мир идет семимильными шагами по пути технического прогресса. Однако, к сожалению, не все мальчишки часть юношей имеют технические навыки, то теперь техническое образование стало почти нормой.

Повысился и уровень политического развития молодежи, ее общественная активность. Многие из призванных окончивают университетские культуры, кружки по изучению работ Владимира Ильича Ленина. На наш взгляд, это способствует дальнейшему воспитательному действию комсомола, которую проводит наша партия, Ленинский комсомол.

Серьезным подспорьем в деле воспитания боевых воинов стал Закон о всеобщей воинской обязанности, введенный с начала 60-х годов. Он предусматривает обязательную военную подготовку которую должны все без исключения. С нынешнего года 140-часовой курс НВК, включая подготовку по гражданскому обороне, стал обязательным во всех учебных заведениях (то преподают с 9-го класса), в средних специальных учебных заведениях и в учебных заведениях системы профессионально-технического образования. То, что не учатся, обязаны пройти обязательную военную подготовку в том же объеме на предприятиях, в учреждениях.

Занятиям с молодежью руководят опытные специалисты, которых мы отбираем из офицеров запаса. Везде есть и отличные НВК. НВК можно уже не зваными новичками — 140 часов достаточно для того, чтобы они овладели основными элементами строевой подготовки, изучили материальную часть некоторых видов автоматического оружия.

Заметно окрепла нынешняя молодежь физически. Почти всеместад процветают юноши, приходящих в военкомат, имеют удивительные показатели менор-разрядников, а это много больше, чем в прежние годы. Физической закалке молодежи, конечно, способствует широкая популярность спорта в наши страны, успешная пропаганда нового физкультурного комплекса ГТО.

— Товарищ генерал, не хотите ли воспользоваться случаем и обратиться через «Смену» к тем, кто готовится стать воинами?

— С радостью. И хочу сделать это не как генерал и военный комиссар, а как старый солдат, отец коммуняк.

Помните ребята: воинский долг требует от человека многого, и вам придется немало. Вы должны будете овладеть своей военной специальностью, искусством побеждать врага, стать мастерами своего дела. И только тогда вы имеете право займать свое место в строю. Советский труд требует от вас всех сил, всей выдержки, но он закалит вашу волю, сделает вас выносливыми.

Исполняйте свой трудный и почетный долг так, чтобы мы могли гордиться вами.

Я

стоял у второго прелюб-
ствия рядом с оператором
киноаппарата, когда
эзза позората показав-
ся швед Йорган Бенгт-
сон на Иллере.

Наз уком у меня заст-
рсмотреть камеру...

Прошло час, почти на
прыжок. Бенгтсону пред-
ставляло переосечь силки холма. Он вел
до коротки галопом, и лицо у него
было каменное от напряжения — по-
хоже, Бенгтсон побоялся...

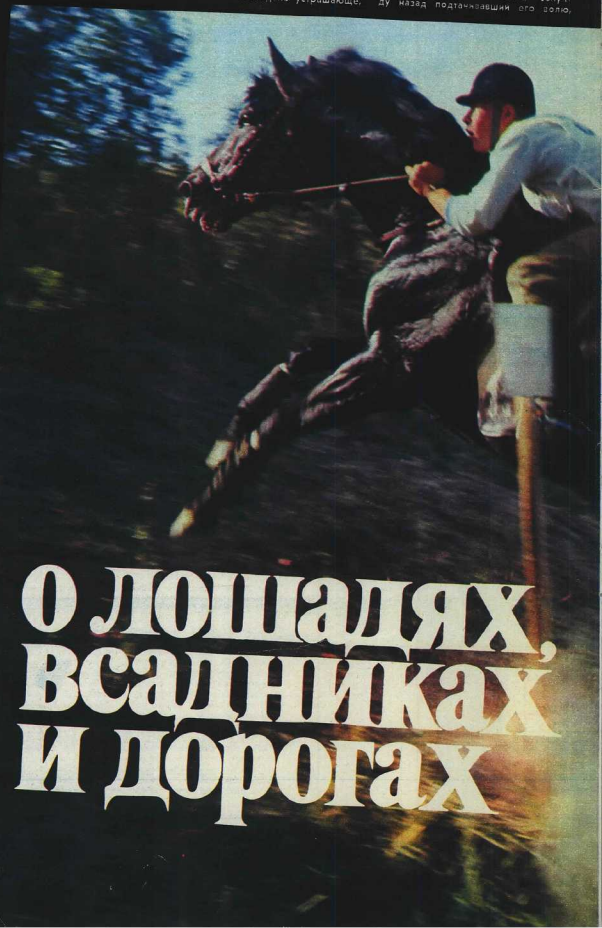
Второе прелюбствие (фигурные па-
раллельные бруски), грубо сколочен-
ные из толстых бревен) грозно высту-
пало из канавы глубиной в рост че-
ловек. Оно выглядело устрашающе,

хотя по размерам, конечно же, соот-
ветствовало нормам. Иначе и не мо-
гло быть: накануне дистанцию кросса
принимал специальный технический
конного спорта (ФИС) аргентинец Ро-
ландо Манорга. У него не было пре-
тензий. Бенгтсон знал об этом, но
второе прелюбствие все же не вызы-
вало у него энтузиазма. Оно ин у ко-
гда из участников не вызвало радост-
ти еще на просмотре трассы, но это
ничего не мешало — прыгать через
него было трудно.

Бенгтсон вывел Иллера из пози-
ции, развернул и пустил вперед широким галопом. Это был момент,
когда Бенгтсон преодолел себя. Но
поздно... Чрезвычайно секунду
назад подталкивавший его толку,

В ПЯТЬ МГНОВЕНИЙ КРОССА ПРИНДА-
СА ДИНА ПЫТАЕТСЯ ПРЕОДОЛЕТЬ ВЕ-
ВАРНОЕ ВТОРОЕ ПРЕЛЮБИЕ

О ЛОШАДЯХ, ВСАДНИКАХ И ДОРОГАХ

ЕЩЕ ОДНА КАВЕРЗА —
КАНАВА С ВОДОЙ.

уже передался Иллеру. Перед препятствием, испытывая решимость всадника, тот попробовал уйти влево. Впрямую, но Бенгтсон был настроен и пресекал попытку. Бенгтсон повелел прыгать, и Иллер поинтересился, хотя и с осторожностью, время для прыжка на были отчасти потеряны. Иллер можно на другом препятствии эти потери для него ничего бы не значили. Но на втором в расчет следовало принимать каждую мелочь... Иллер жердя, врезался грудью в переднюю камеру. Камера беспорядочно стрекотала, на дне канавы, оператор ширину камеры на траву.

— К черту! — сказал он. — Я это симулировать не могу. Пусть это оранжевый симулятор. За миллион не согласился бы прыгать. Ни за какие ювелирные. Ни на какой лошади!

Дрожащей рукой он достал сигарету и закурил. Иллера тем временем успокоили, и Бенгтсон за повод вывел его из канавы.

— Ну, а теперь, когда интрига составлена, пора представить вид спорта, о котором идет речь — конное троеборье. Для многих оно стало модальным открытием, и то лишь потому, что в начале сентября в Киеве произошло XI чемпионат Европы. Сыграло здесь роль и то обстоятельство, что победу в Киеве, несмотря на то, что боролись за нее чемпионка Европы британская принцесса Анна, олим-

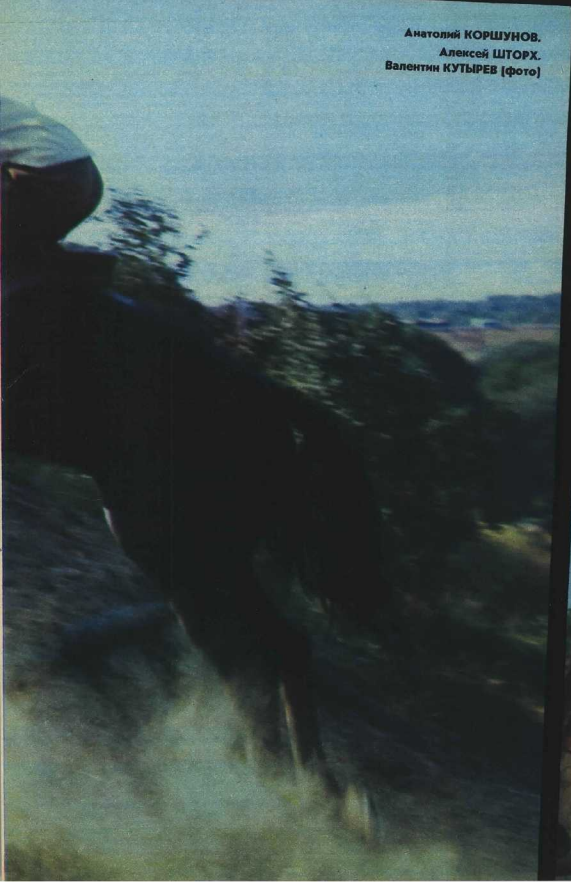
Анатолий КОРШУНОВ.
Алексей ШТОРХ.
Валентин КУТЫРЕВ (фото)

пийский чемпион Миа, прекрасные амазонки и многие другие, одержал все же москвич Александр Егорович на симпатичном коне Егера. Придется мне начать рассказ о троеборье сначала и по порядку, ибо конный кросс, который так неудачно начинался для шведа Бенгтсона на Иллере, — это как минимум середина.

Несущественному читателю, вероятно, кажется, что изобретение трактора, автомобиля, мотоцикла и даже самолета никогда не подорвало некоего неизлечимого авторитета лошади, нанесло непоправимый ущерб конному спорту и поставило конный спорт на грань исчезновения. Для доказательства последнего суждения обычно ссылаются на исчезновение конных игр и чашанок... Но факты убеждают в обратном. По сравнению, например, с 1943 годом, поголовье лошадей в Европе на сегодняшний день выросло в несколько десятков раз, что же касается конного спорта, то он (в том числе и троеборье) процветает все более и более.

Прочнее встав на рельсы механизации, почти мгновенно руной на лошадей человечество в один прекрасный момент вдруг обмиршило, что все же не может рассматриваться с оптимизмом. Ибо оно утратит нечто большее, нежели доброе, красивое и полезное животное — оно утратит еще одну часть, связывающую его с природой. Впрочем, забираться в непролазные джунгли проблемы, именуемой чело-

ЧЕМПИОН ЕВРОПЫ АЛЕКСАНДР
ЕГОРОВИЧ НА ИЛЛЕРЕ.

век и природа», не входит в заданную тему, и потому вернулся в трюборебор. Лишь в последние минуты всего первого дивизиона трюборники, продаваемые в спортунаме.

В первый день ты обязан выйти на маневреную езду и продемонстрировать беглые перепатки, в безупречном фразе, держа собственную линию прямо, как стек. Однако во второй день — в день полевых испытаний — ты обязан выехать так синими шапками, полученными в кроссе, и темные задние поты на рубаше, и запыленные штаны, и запрыгавший, изурнавший вид, и замоченный намокший, когда предстоит соревнования по преодолению препятствий, ты снова должен быть красивым, подтянутым и чистым.

Ты теперь обязан носить на себе три предмета: цилиндры, перчатки, фраз, седланы, пот, грязь... и посмотри на трюборские, так сказать, изюминки. Маленькая езда требует собранности, точности, мягкости. Некоторая сухость. Полевые испытания — выносливость. Кросс — их основная часть — мушкет, самобытность, речность. Преодоление препятствия — умение и расчета.

...Итак, составляющие трюборная названы — маневренная езда, полевые испытания, препятствия, кроссы. Познаниями с ними доброе. Маневренная езда — это что-то вроде обязательной программы в основном катании конных или в синхронном плавании. Чуть синично, чуть чопорно, чуть старомодно. Если не разбираться в деталях, смотришь томительно.

Широкое зрелище в маневренной езде привлекают не детали. Для него не столь важно, с правой ноги силах лаваш в галоп или в левую. Сидишь она правильно или нет, семь шагов вместо шести. Это остается на долю строгих ценителей-судей. Зрители привлекают сами люди. Прекрасные люди, красивые, красивые. Соображенные и покорные. Ухоженные и вышколенные: или пыльные от кончиков ушей до кончиков пальцев, или чистые, как раскраснев, шерсть блестящая. Темно-ногие красавцы Гудвилл прицелись Анны, глгавт Уайзерберг Миде, петконогий, ступоватый и аминаторский Егеря. Единообразие. Они выступают с чувством собственного достоинства! Они горды собой и всадниками, которых несут на себе. Я посмотрел в Киевсе с серым в яблонику Си — конем Хорста Карстеня из команды ФРГ. Я увидел его сначала в конюшне: Си стоял, уныло свесив голову, широко расставленные нога, и меланхолично жевал орзков яблока на грум. Со щеткой истова хлопота на нем, но он вынул из кармана платок на дожде, но более. Потом он вернулся на проваде — он небрежно шагав, расквашивая из стороны в сторону, по-прежнему свесив голову, безрешительным взглядом куржающе-му. Я не выдержал и сказал: — Неужели Карстен в Мюнхене выиграл маневреную езду на этой конюшне? — Не торопитесь... оскорбился грум.— Вы увидите нашего Сиа в деле.

И точно, в день маневренной езды Си был неунывающим, приносил удовольствие и притягивал к себе внимание. Мне бросился в глаза напряженно изогнутая мушкетисткая шея, и наклонная голова, и задатная поступь. Си оказался настолько споконным. Карстен выиграл на нем маневреную езду, отлично провел полевые испытания, безбоязненно преодолел все препятствия, заняв второе четвертое место. Я разглядел грума и лаваша, о том, что в Мюнхене Си сошел на кросс, спросил о производителе. Он сказал: — Перед одним из сложных препятствий Карстен, опасаясь замкнут,

ударил Си хлыстом... Прежде его никогда не бил. Си оскорбился и выскочил из конюшни.

Таковы лошади. О них можно говорить бесконечно, но как назвать трюборебор. В программе его маневренная езда, полевые испытания, преодоление препятствий. Во-первых, в ней демонстрируется степень послушания лошади всаднику. И чем сильнее за последние годы газлы, спрос управленцы, тем сильнее разбиты на досках для спортсмена и лучше подоготов лошадь. Во-вторых, маневренная езда — одно из самых быстрых трюборей, и в зной своего разгона, она способна на большее.

Маневренная езда заключается в себе 23 элемента, каждый из которых оценивается максимально в 6 баллов. Если же все элементы выполнены на 138 баллов. Участвуют в судействе три арбитра. В Киевсе они выставили Едковскому [будем конкретны] за маневреную езду соответственно 97, 106 и 84 балла. Средний складывается и выводится следующим образом: (97+106+84)/3=95,67. Эта средняя выписывается за максимум — остается 42,33. Остаток умножается на коэффициент сложности, который на оценке Едковскому — 50,8 штрафного очка.

Штрафные очки за маневреную езду своего рода штраф за досрочные танцы в трюборебор. Задача, естественно, набрать их как можно меньше. Особенно в полевых испытаниях. Они начинаются с утря. Раздельный старт. Первый отрезок — короткий. Действительно, обычные дороги — более 7 000 метров, по которым идет овраг шара, галопом и рысью. И пусть не удивляйся, если увидишь такую картину — всадник вовсе не всадник, а заправский стайер. Он бежит, и лошадь рыскает за ним в поводу, и всадник, выходя вперед, держит упряжь своими силами, сбергает лошадь для спилль-чае и кросса.

Второй отрезок — спилль-чае. Сначала в галопе, а затем в рыси. И дальше снова дороги — теперь почти 13 000 метров. Затем короткий от Амак и кросс — вершина трюборебор. Она начинается с утря. Милый полет. Захватывает ошушка. Горизонт лезет. Вверху голубой шар небес. Мирно дрейфуют облака. Пахнет покоем, свежестью, мучническим выпечки из-под печи. Ты чувствуешь, как кросс, и в ушах у тебя звенит завтра, завтра, завтра... И тревога заползает в душу, 7 200 метров, 29 препятствий. Все хитрость и фантазия строителей сосредоточены здесь...

Вот то самое грозное — второе. Чуть дальше — настоящий овечий забор. Пятеный забор — барьер для людей. Пятеный забор — барьер для лошадей — грубо сложенный массивный столб, высокий и широкий, перед которым — низкий, широкий и длинный, назель столетний, сбитый из толстых, груженых мешками. Долго стоишь перед двенадцатим препятствиями, брешом на крано обрывает. Прямую линию, которую ты должен пройти, ты отрываешь всаднику лишь в полете... ты прыгаешь в никуда.

Где-то на пятом километре щелкнет прагад. Сильно испугаются лошади, которые не имеют опыта позиционной войны. За глубиной и шириной канавой прочно втык в землю бревенчатый забор. Сразу же за ним — банкет — овражок, овраг, три темноты, и снова бревенчатый забор, и чуть попероче. Потом шалабам. Нескольких метров вперед — трюнкин. Еще несколько метров — параллельные брусья на силене.

Затем передещина. Обманчивая пауза, вроде затишья перед боем. И снова серия. Очень трудные параллельные брусья в янвине. Крочащатся. Засеки. Параллельные брусья на спуске. Так называемый угол. Наконец, она сладкое — канва с водой и штабель мелевических бочек.

Но довольно... в конце концов тебе

ред нами не сценарий фильма, уже, а лишь дистанция кросса, где всадник должен выехать в галопе, встать в строгие рамки правил и ограничений: высота препятствий не более 1,4 метра, 20 сантиметров, ширина — 1 метр 20 сантиметров, у верхних — 1 метр 90 сантиметров.

Едковскому и Миду я задал вопрос: — Задано ли управление трюбореборам в Киевсе? Или это не так?

Не заданы оба ответа: — Кросс...

Иначе ответить они не могли. Мысли в голове, в голове. Мысли являлись минутью холодного безрасхваста. Минуты самоуверенности, самоуверенности с неудачей.

Они приходило с аттасов дорог и спешивающе. Начинаться томительные минуты ожидания старта. И каждый в эти минуты остается наедине с собой. Твоя же достижает сознания объяснения дитора: «Всадник номер... упал на пятом препятствии...», «Всадник номер... спешиваете препятствие...».

А лошади тем временем на полевых заблудных группах. Этих незамысловатых участниках всех составлений, в том числе и героя, трюборей следует воздать должное. Это люди, профессия которых для многих звучит по крайней мере приномно. Грум — звучит хорошо, хотя в принципе это конюх. Грум — человек, который любит животных. Во многих странах, чтобы стать грумом, нужно закончить специальные двухгодичные курсы. Твоя же достижает сознания специальных предметов. О профессии грума мечтает. Но знает дело — мало. Нужно иметь очень добрый характер. Нужно иметь по крайней мере большинство грумом.

Вот один из них. Грум шведской команды Анна-Катарина Тебгрен. Заключила университет в Улсаде. Преподавала в университете в России, которм, кстати, вставил свободу. По совместительству работала инструктором в конноспортивной школе. Твоя же звучит грумом с высшим образованием!

Итак, мы оставили лошадей на полевых группах. Лошадь респондент спилль-чае, спилль-чае, спилль-чае, чтобы сохранить на мышце тепло. Накладывают на головы мокрые полотенца. И лошади ждут по кругу, понимая, что сегодня день необычный. Они чувствуют приближение кросса, и азарт уже загорается в них.

Невозможно рассказать о кроссе, сохраняя хронологическую последовательность, потому что в этот период препятствия рядом с оператором кинокамеры. Сначала он нервничал. Особенно когда упал вместе с Ипполитом принцесса Анна.

Они выдвинулись вперед — на самый высокий и самый широкий ряд брусков. Но Гудвилл все же прыгнул. Он задел за вторую шерсть задних ног, и лошадь не могла бы встать, если бы его поддержали поводом... и тем более он готов был продолжить кросс. Но падение лишало его возможности встать и продолжить кросс. Чемпионка Европы хотела бы, либо первой, либо никакой...

В каждом кроссе бывает своя изюминка. На чемпионате Европы 1967 года в Илларде, так изюминкой оказался «банкет», где закончился кросс две трети всадников, в Киевсе — второе препятствие. Здесь падали лошади, падали всадники.

Но если ты хочешь спорить: трудно ли стрити... превратило, на котором упал с десятком перловославских лошадей... Передел мой заключенный международной ветеринарной комиссии, в которм говорится, что

ни одна из лошадей не получила в кроссе серьезных травм. Но дело далеко не в этом. Лошадь была интуитивно заставлена выехать вперед, чтобы сделать, знаменем, «сальто назад, прогнувшись над брусками». Для мастера спорта это в порядке вещей. Но если ты хочешь сделать великолепное, специально подготовленные лошадей. И если где-то и что-то сделать они не смогли, то виноваты виноваты. Мы видели, как Гудвилл и видел, как пнул себя хлыстом Владимир Сорона. Его Обзор судил за ним.

— Сорона пнул себя хлыстом, и это виновато, я!

Лошадь — это виновато. Я спросил члена международной жюри Роткина, каковы должны быть взаимоотношения между ними. Роткин ответил: — Они должны любить друг друга...

Любить друг друга... Любить лошадь — это понятно. Но в какой форме может лошадь любить всадника и может ли вообще! На это счет есть много противоречивых суждений. Но Гудвилл так не видел сам. После финиша у коня Миде он увидел следы вынужденных попыток выехать на дофинишевого контроля. Задача заключалась в том, чтобы засунуть на игноривание в конюшню, но он не смог этого сделать. Смертельно уставший Уайзерберг, полагая, что он достаточно потрудился в кроссе, вероятно, рассматривал эту процедуру как оскорбление личности и не давался. Радостно стоял на месте уставший Мид и безразлично наблюдал за возней. Наконец ему надоело. Он подошел к Уайзербергу, обнял его за шею, ласково похлопал по лопаткам, мол, надо, старик, все равно не откажешься. Потом взял талон, спойнону синул Уайзерберга в рот и начал рычать.

А теперь еще немного арифметики. Я говорю о штрафных очках. Так вот в спилль-чае и в кроссе уступают Миде и Сороне. Сорона — 12,37. Каждая просроченная секунда — это соответственно 0,8 и 0,4 штрафного очка. Штрафуется также количество штрафных очков (штрафная), падения [60]. Моему заработал штраф и на дороге, если не уполниться в норму времени. Сорона и Миде на Егере проехали спилль-чае и кросс за 24,6 и 24,6 минут 51,7 и 14,09, получив за это 2,4 и 3,88 штрафного очка. После двух дней у него получилось 90 штрафных очко.

...Преодоление препятствий, миш конюкур, по сравнению с кроссом, представляется новым различием. Сорона и Миде, по своей легкости и быстроте, выигрывают. Сорона выиграл около двух минут, но история трюборебор знает случаи, когда на конкурном уровне выиграл без двух минут чужим чемпионом. Так случилось с Павлом Девьян на Олимпиадских играх в Мехико, когда, лидировав после двух дней, он на конкурном уровне выиграл всего на пять минут. И так случилось с Владимиром Корочкой, когда на нынешнем чемпионате страны, практически имея в кармане золотую медаль, он неожиданно и новоявственно выехал из манежа, и победил, за что тоже был снят.

В основном же конюкур — отличное зрелище. И всадники в этот день в радиусе 100 метров от лошадей, безусловно не было изурнавшего испытания позды.

Ну, и если уж закончить с чемпионом Европы в Киевсе, то два слова о Александровском чемпионате чемпионов команд и комсорб сборной команд на отличном гитарист и веселый человек. Недавно закончил институт в Мюнхене. В Киевсе — его любимый город. В конюшню Егера судья, он попал, за что судьи назначили Едковскому еще 10 штрафных очко. У него получилось 100, и этого хватило, чтобы стать чемпионом Европы.

ОТРАЖЕНИЕ

Зорый ШОХИН

В домной Вере возвращаться не хотелось. В ушах еще звучал хрипловатый, хлывающий за душу голос пианины, в такт магнитофонной мелодии ложился шаг, повторял тающий, немного несладкий ритм близка, а плечо еще ощущало тяжесть и теплогу сильной руки. Поднимаясь на седьмой этаж пешком — лифт уже не работал, — Вера осторожно, чтобы не услышали завеса, открыла дверь. С туфлями в руках она стала крадись к своему кабинету, но внезапно по глазам стетанга аркии эстетический свет.

— Где ты находишься? — громко спросил возмущенный тенетюга отец. Он был в рубашке, значит, не ложился. Из родительской комнаты доносился всхлип матери.

Все это выглядело таким ужасным контрастом по сравнению с приглушенной атмосферой вечеринки, что Вера тошнело вздохнула.

— Сидела у подружки.

— Интересно, у какой? — Голос отца перешел в тонкий свистящий фальцет. — И завела Райке, Кате и Натане. Что ты совершила на этот раз? — На виске у него билась и дрожала маленькая жилка.

И традиционный истерик так не бывало: разудалый мир, что она несла в себе, трещал, как прогнивший стаянок под струей крутого кипятка. Вера с выловом шлепнула об пол туфлями.

— Если так, — ответила она, — там, где меня сейчас нет.

— Дрянь! — загремел отец. — Я тебе покажу! Дрянь, гадкая дрянь, сопливая! — Он схватил ее за плечо и втолкнул в комнату, где лежала мать.

— Веры накиндела на глазах слезы, но она старалась сдерживаться.

— Послушай, как она разговоривает с отцом! Это все твои воспитанье, ты же Потанкал ей во всем, а потом разговаривает гителю! У всех дети как дети, — ходит в школу, кончател диетилку, в институт поступают, а эта... Что тебе не хватает? Ну, что? — кричала отец. — Квартира неудобная? Годовалка ходит? Отец! — алкоголь!.

На следующий день она пришла еще позже: во втором часу ночи. Снова был крик отца, слезы матери, но теперь она чувствовала себя гораздо увереннее. Когда началось все эти недуги, Вера уже не помнила, но сейчас она воспринимала родителей, как воспринимала бы соседку по коммунальной квартире. Брала, соседки, которым многим обидно. Мать бегала асего заболителса о том, чтобы все у нее было не хуже, чем у других, отец считал главной своей обязанностью вовремя обеспечить семью материально. И Вера довольно часто ловила себя на мысли, что с родителями ей просто не о чем разговаривать...

Однажды она заглянула домой в новом и довольно дорогом вилковом платье.

— Где ты была? — резко спросил отец. В эту минуту он показался Вере очень старым и горболовным. Ей даже стало жаль его... Ну, вот что тебе скажут отец просто сдох, я думаю у него забрели глаза менингит, видно, ночь он так и не спал. — Если мы не в состоянии тебя воспитывать, если мы родители-уроды,

как ты выражаешься, это сделают другие...

И в то же утро он впервые переступил порог детской комнаты милиции. Шаг этот для Виталия Александровича был мучителен и постоялен. Только поиневшая растерянность, отчаяние и мачетический страх за судьбу дочери заставили его, взрослого, немало повидавшего человека, обратиться за помощью в это учреждение. «А что делать?» — оправдываясь, спросил Новиков женту. — Может быть, они знают? Жена молча плакала.

Получив из милиции повестку («Новиковой Вере Витальевне явиться к десяти утра в кабинет №...»). Вера испугалась. Не столько даже лозомых неприятностей, сколько того, что ее семидесятилетнюю девочку, т а м уже знало.

Без четверти девять Вера стояла перед старой, обитой потресканным дерматином дверью указанного в повестке кабинета. Она порывалась все время выбивающийся изца уха локон, вытерла платком губы, чтобы не было видно следов помады, и, ощущая неприятный, скользкий ходонок, буквально втолкнула себя в комнату. За столом сидела маленькая худенькая женщина с короткой стрижкой. Она внимательно смотрела на Веру глубоко посаженными, немаркированными черта глазами.

Вот взгляде, ни металлического ниток в голосе. Круминь, инспектор детской комнаты милиции. Круминь оказалась не такой, какой Вера ее себе представляла: ни жесткой пристальности во взгляде, ни металлического ниток в голосе.

Все как-то неопределенно, беспрестно. Но Вера внезапно сковал безответный страх. Она likelihood соображала, как бы ей отсюда уйти. От волнения Вера почти не слышала собственного голоса:

— ...Ничего не предпринимать... Работать не давало... Что подумают?... Стыдно...

Хорошо, — нервно сказала Круминь. — Я жду вас после работы в половине седьмого вечера.

После работы, в половине седьмого вечера, Вера встретилась с Милой Деревяшкиной. На той было блестящее, до школьного палто, перахваченное пологом с металлической прижкой.

— Ну что, снобисткал?

— Угу, сказала Вера. Ей хотелось показать, что она ни чуточки не испугалась. — Сейчас как раз должна у нее сидеть, — поставила она на стелажку своих часов. — Мимра старая, ей уже полвека!.

Мила рассматривала ее, и сразу стала видеть ее маленькие остренькие зубки. Обычно она старалась их не показывать.

— Ладно, плевать. Лучшее снажить: поправилась тебе у меня? Как Леночка? Ты не спиори, что он таксист. У него денег куры не клюют. А потом я тебя с одним режиссером познакомлю. Ну, что? — хитрово заглянула она на Веру, — приходи!.

— Приду, — с какой-то злой решимостью ответила Вера, — не маленькая.

Деревяшкина расхохоталась и быстро чмокнула Веру в губы.

— Значит, завтра в восемь. На угу, ну, ты знаешь.

Вера злилась: Деревяшкина, как всегда, опаз-

дывала. Внезапно изца угла высочилась и лихо подкатилась к тротуару старенькая «Победа». Обе двери открылись одновременно, и сразу же стали слышны вразны хохота, вагитативные и возбужденные голоса.

— Вери! — позвала ее Деревяшкина. — Мы ж за тобой... В тешное, да не в обиде...

Вери почти плагиция в машину. Сколько здесь было народу, она сразу даже не разобрала. Запас бензина смешивался с табачным дымом и клеевым ароматом женских лезов.

Машина рванулась с места. «В наба!» — торжествующе гаркнула ее хозяйка.

В ресторане официант с пропырливой мордочкой мимро расставил тарелки и рюмки на двух свиснувших столах, и компания расселась. Кто-то достал из свертка бутылочку «Мартеля» и украдкой разлил ее по бокалам.

— Это я тебя пригласил, — со значением сказал таксист. — Они сами по себе, а ты сегодня — моя. Ты чего хочешь-то? Не стесняйся, Лена ведь все может. Икры? Эй, метр, триста грамм шершестой, пожалуйста, оставь!.

Потом, пригласив Веру к себе в толпе танцующих, он таяжело и сильно задымил ей в лицо.

Вера истинногтно поиневалась выпрваться, но руки партнера сновывались ее, как пень. Теперь она не могла уже ни о чем думать: ей хотелось только бежать. Бежать любым способом. Но как это сделать? К счастью, таксист отозвал в сторону хозяйку «Победа», и тогда, не сказав никому ни слова, Вера ворнушла и выехала...

Дома она была без четверти одиннадцать. Ее никто не встретил — теперь отец делал вид, что ее просто не существует, и того же требовало от матери. Вытащив из холодильника холодильник колбасу, Вера поиневала ее на толстый кусок хлеба и принаилась жевать. Потом заперлась в ванной.

Внезапно раддался олузнительный стук в дверь. Кто-то во всю силу дубасил по ней ногой. Сначала Вера ничего не могла понять. По коридору торжовило прошел отец, скривилась дверь, а потом в уши ударил разяряющийся голос таксиста:

— Это как же, это как же, я спрашиваю? Что, вынался, нажрался и сбегал? Это со мной так? Со мной!.

Никто, кроме Деревяшкиной, не знал Беринго адреса. Значит, то, что он здесь, ее друг дело.

— Вы чего кричите? — гитивно перервал таксиста отец.

— Чего я кричу? — изумился тот. — Так тая же дочь, не моя! Облуполила, «длинное» прокурнула, а я же еще молчал? Раз шла, выходи, знала, зачем. Я, может, четыре червонца этому корду в ресторане выложил...

— Вери! — нервно потучал отец в дверь ванной. — Одейся и немедленно вылезай.

Таксист не унимался:

— Ишь ты, я четыре червонца положил, а она — в кусты!

— Она ребенок отец, — мучительно выдалась на себя отец. — Ей только семидеять исполнилось.

Таксист шумно заржал.

— Ребенок? Выдали артиста, ребенок! — Ему было очень смешно.

Вера выскользнула из ванной и бордовская

№ стр. 26.

Только на улице Годунов понял, что произошло. Злополучный народ остался у начальника.

— Это такое дело... — пробормотал Батур, когда Николай рассказал все ребятам. Поди теперь доказывать, что ты не верблюд.

— Больше всех расстроился Вихров.

— Жук эти Соболь, вот что. Как все повернул! Хотя суд нас отдал!

— Речь идет обо мне. Наряд я выписал.

— Не надо было лезть из-за меня в драку. Не сдох бы я с голоду без этих грешей. Проси же тот...

— Не в тебе дело. Я и так покавал бы ему наряд. Для того и заваривался кулак... — Что вы панику развели! — не выдержал прощальное бормотание Михаила, как было дело.

— Не думал Лоды, что так нелепо обернется его пребывание в Солнечном. В том, что затра начальник пущет в ход наряд, Годунов не сомневался. Очевидно, уже красноречиво ублажил Михаила Илларионова на прощание. «Надо же быть таким олухами», — ругал себя Годунов. Ничего не сказал он ребятам, молча решил: надо уезжать. Конечно, Соболь в суд дело не переладит. Но с работой выгорит и осланд. Надо уезжать. Жаль.

— На следующий день, в перерыв, на площадку прибежала из управления девочка-рассылная. Ребята ни словом не вспомянули о вчерашнем, как будто договорились молчаливо. Девочка все подглядывала вниз, на дорогу, — не появился еще начальников агзабот?

Рассылная вбежала по лесенке на второй этаж, на площадку.

— Кто у вас Вихров? Ребята не думали, что будут искать Лявну. Онто при чем?

— Ну, у Вихров. Дальше что?

— Из бухгалтер прислали. Какже-то деньги получить, за трамву, говорят... Девонка жиннула... Пождем, трамвайчик.

Вихров положил кирку. Это было что-то новое.

— А ты не перепутала чужую фамилию на бумажке записана. Сам Соболь из бухгалтерии прислал.

— Больше ничего он не велел передать? — спросила Годунова. Бирюки почему-то вызывали?

— Какже, нет. Как ваша фамилия? — Николай спросил.

— Не-е, ничего не велел. Про-а все прикаж на доске объявлений висит, это да. А на словах ничего не велел передать.

— Какой приказ?

— А лучший его знает. Приказ и приказ. Фамилию только запомнила.

— Пождем... решил Батур.

Бригада торопливо спустилась в поселок. В управлении, как всегда в обведенное время, обывался народ. Николай протиснулся к доске объявлений, и листку тетрадной бумаги, прихваченному кнопками.

Приказ был лаконичным: «НАЗНАЧИТЬ БРИГАДИРА ГОДУНОВА СТАРШИМ МАСТЕРОМ УЧАСТКА».

После ухода Кольень Соболь спрянул привнесший им народ в сейф. Положительно этот народ никак не решался покинуть его дом. Сколько там их попалось ему на пути! Он вспомнил розовое, возмущенное лицо Годунова. А мальчишка, видимо, с язвливой. Понимает, что к чему. Документ, обстрадал правально, как будто все же жаль. Этот занимался. Конечно, при помощи нарядника можно поставить Годунову такую основательную печать на биографию, что... Но Михаил Илларионович не следовало этого. Зачем же...

С дальнего, спиритого лесания Амура ворвалась в долину позвоня тетель. В нее сошла последняя нездоровячий лед с Силины, пятнисто зеленая зона заблудивших тайга.

В долине найдены новые месторождения, и ими начался третий дороб. Больше горюлой лопыши шло заготовка пилотинки. После дождя пришла на горюлой лопыши экскаватор сгущенного чиста тама царства непотопляемую, пропанзанную мореными почва — гонять фронт для доробной-морены фронтальной строительной новой магистрали Соболь. Тут-то и спонорил вальдерист-красноперый крист. Сосочка парель с валунами обрешенная деревушка. Наспали на горюлой лопыши руга, уграбавая его навалом, и то самое место, где стоял некогда дом на сваях, зарылся дымный асфальт.

Четвертый годовушский год расет.

Бригада каменищ, которую возглавляет теперь Санька Кисель, добралась уже до предло-

Оночание. Начало см. в № 20 («Новостели Годунов»).

следного этапа. Кладка у ребят получается ровнейшая как по ниточке. Годунов то и дело перебрасывает ве с объекта на объект, чтобы не было простоев и заработок стал приемным. Плотники и маляры тоже на Николая не в обиде — зарплата у них хорошая.

— На-а, — выдыхает Соболь, подписывая ведомости по участку, — девать ты людям зашибать... Приучаются они у тебя к этим... динным рубикам! Сас-отро, рваный нелюбидиш...

— Коля и сам иногда сомневался: не слишком ли много дувает он о деньгах? Мелочью, по привычке: столько лет был экономистом! Если разобратся то из-за них, из-за рублей, злетел он исторично с нарядным, из-за них сжалась с начальником. А начальник, пожалуйста, согласен, мастера действуют с нарядями неверно. Вот тебе вчетверо, пробуй по-своему, доверю.

— Верочем Соболь, кажется, нечетверть понимаю, что на одном зигнатуре мне не построишь. Иначе не вызвал бы Николая к себе.

— Ну, что у тебя на четвертой? Сдаться к концу полугодия!

столько месяцев строил свой первый дом, а под самым концом приходится вальтаться, не видеть главного... За два дня его болезни были покращены лопы, и тридцатого на площадку пришла прикомандованная комиссия...

В конторе Годунов застал Савина.

— Здравствуй, Павел Тимофич!

— Прорубь кинул, не поднимая глаза от бумаж. Вот тебе раз!

— Что с тобой, Тимофич? Не узнал! Годунов старостинский... Дом-то готов, успел! Коля нас теперь перебростит, не слава!

— Прорубь не отвечает. Поглядел в окошко. Потом горьким у себя на столе и противу Кольень лисик.

— Не, забери.

Это была преамальная ведомость.

— Понемучу!

— Людья только обманули из-за этих копеек.

— Как обманули! Заговорил толком!

— Тебе лучше знать. Заговорил мне ее сегодня начальник. Я, говорит, вам ничего не общал...

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ТРУД И ЛИЧНОСТЬ

— Трудно, Михаил Илларионович, — прямо ответил Годунов. — По сроку в августе. Целый этап остался и внутренняя отладка. Вряд уж...

— А тебе все работы открыто. Запишем мы полугодовой план. Не на все объектах, но трети. Хотя ты свой четвертый дотяни. Ребята у тебя толковые.

— Разве число смеи увеличатся...

— Во-вог, подумай. Не мне тебе учить. Так и скажи рабочему классу: администрация пойдит наперед, ничего не поменяет. Если к сроку сдаться объект, выделяем премию на весь участок.

— Можно ребятам обещать?

— Сам Соболь. Не только обещать, пусть своими глазами поглядят. — И начальник подвинул заполненную преамальную ведомость. — Мы с бухгалтерией потрели наши ресурсы. Можешь задать ведомость с собой.

— На участке провели летучку. Годунов выступил крайним. Не строится дела пока. Не согласен, мы не виноваты. Но строится-то объект. Нужно как-то спастись пополюне. Да, речь идет о нашем доме, к концу полугодия. А кто говорит, что отодолжилось, чтобы разрыв не было. Пятнурку разнорабочих переводим на кладку, под присмотром, конечно... А о премии рано ты заговоришь. Вот сделаем дома...

— Насчет возможности верно, — посплистал записную книжку Савин. — В июне этого года пора пустить отодолжилось, чтобы разрыв не было. Пятнурку разнорабочих переводим на кладку, под присмотром, конечно... А о премии рано ты заговоришь. Вот сделаем дома...

— Вест, много держалась редкая для этих мест сущность. Николай не давал строителям передохнуть. Каменищев еще не закончили последний этап, а внизу уже шла разбивка территории под тротуары и двор. Вечером над домом загорались прожекторы. Годунов оставался на вторую смею, ходил по участку, намечал, как сплесть застрехенный дом, куда послать маляров и плотников. Двадцать пятого полностью утлеплил кровлю и установил воркель. Ничего над Мяо Чжаню посплистал тонсткая, как вальце оделана, обвязка, накрыли долину и хлынули обильные ливни. Кольень не подрастерсал, приняв их за обычный летний дождик.

И в первый же день, возвращаясь домой, пожаловал, что остался в общадине основной этаж. Холодные струи текли по спине, заливали лицо. Под резким ветром отлежавшая одежда надулась парусом, валила с ног. Ночью у Николая навалился жар.

— Простуда, конечно, пустяковая, но обидно —

Годунов увидел Соболь сидящим в глубоком диване, а кружева магнитофонной Я...

— Ага, это ты. Каким ветром? Я по-домашнему, извини.

— Соболь такжело поднялся, вытаски из буфета две рюмки.

— Прижались. Сейчас мы... Зо-о-а!

— Подожидите. Почему премию не заплатили! Начальник остановился против Николая с бутылкой и рюмками. Поискал глазами, куда их поставить, и сунил назад в буфет.

— И ты за этот домой не мне пришел... — укоризненно проговорил он. — Я делами в конторе занимаюсь.

Он взял у Годунова преамальную ведомость. — Ты что, всезред принял эту бумажку?

— Ведомость зашпестела и свилась в белый ком. Начальник подошел к оному, расправил и выбростил скомянный листок в туману.

— Свое дело она уже сделала.

— Но я же людим общал!

Михаил Илларионович обернулся.

— Ты умный человек, Годунов! Собираешься убеждать меня, что всезред общал премию! Так я не поверю. Стройка провалывает план. Пошевели сумочки бухгалтерским мозгам, откуду у нас преамальные деньги! Вот и обьясни людям.

— Это я, по-вашему, должен сказать на участке?

— Что обычно говорят в такие случаи? Каким мастером? Срезали фронт, при первой возможности вернемся к разговору... и так далее... Соболь покаял плечам.

— Ну уж, уяснить!

— Николай сделал шаг назад.

— Намаг дверь! Не забудь парализовать, кто тебя мастером сделал и за какие заслуги.

Ему потребовалось не меньше минуты, чтобы прийти в себя и сориентироваться. За эту минуту мальчишье курное лицо, к которому он испытывал еще вчера только сожаление, стало невинным.

— Тут предыдущий оратор обинял меня в обмане и надувательстве. Хотя здесь и не конфликтная комиссия, а только комсомольское собрание, я отвечу ему.

Развели в товарищ Годунов, управление не свободию от рада недостатков. Стройка громадная, под стат Комсомольск тридцатых годов.

Люди приближи к нам со всех концов страны, и разные люди. Я имею в виду, что это все одинаково относится к своим обязанностям. Одни, что называется, горят на работе, другие приехали из Дальней Восток за этническим — Соболь пошелест пальцами и выдергал пазу, адресованную Годунову. Нелепая, надо признать, была идея — возится с ним. Теперь расследовать! — Приплывали сюда немцы, вчерашние солдаты Советской Армии, которых мы пока учим и не можем с них требовать во всем строгости, и станет ясно, что именно в этом разное кадров причина срыва. В переводе на всю страну, как вы знаете, недополнение не превышает ничего — четырех процентов полугодного плана. Много это или мало? Конечно, хвастаться нечем. Но мы помним, ребята, какая наша позади. Суrowая жизнь. Если учесть все обстоятельства, не зависящие от нас, то четыре процента уже — хорошая цифра. Соболь негорлопато пригнул воду из стакана. — В чем же мастер Годунов видит причину наших общих упущений? В порочной организации труда, которую якобы я поддерживаю. Угги, Го-

сразу нашлись. Выходит, в трудовой совести было дело, а в погоде за рублем? Простите, товарищ Соколов, вы у нас редкий гость и берете неверную сторону. Лучше спросите как следует с Лыкина за то, что такие комсомольцы, как Годунов, попадают в Селемчич, на крайнюю ударную стройку.

— С Лыкина спрос другой. — Вот-вот, не вижу у никакой помощи от комсомольской организации. А теперь поглядите на это — И Соболь передает по рукам президиума бумажку — Могу помочь присутствующим, что это за документ. Наряд, который Годунов заполнил на свою бригаду в Бытность бригадиром. Тот самый человек, который только что анюга и горичко говорил здесь об обмене, собственноручно приписал себе работу, которую не выполнял и не мог выполнять? Посмотрите вторую графу, товарищ Соколов, проходимые каналы пролил. В четвертом доме таковых не имеется. Только поуканлы. Спасибо еще, что вовремя накрыл его и вероветво остался на бумаге... В зале установилась тишина. Но она дли-

ном слушать прав? И обиднее всего, что Соколов слушает это и кивает головой...

В перерыве Годунова поймали в коридоре подчеркнуто холодная Валя из приемной.

— К нам, Лыкин, Справилась.

Соболь подошел к закрытой двери кабинета. Но, услышав, остается тебе поглабождать за сегодняшнее выступление. Здорово ты меня растащил. Под орех.

— Чувствительна? — Дальше некуда! Получается так, я тебя человеком сделал, а ты мне в морду плюнул. Услыга за услугу.

Николай повернулся к выходу. — Подожди. Знакомые сначала с приказом, но стелю... Прочел? Вот и хорошо. С сегодняшнего дня ты у меня не работаешь, с профсоюзом согласовано. Все! Мошеш уезжать.

— Почему объяснить, на каком основании меня увольняют? — Оснований анюга, на любой вкус.

— Ну вот... уезжать из Селемчича я не собираюсь! Комсомолы собираются с нарядом, или вам еще не сообщили!

— Комиссия? Вот и обращайтесь в комиссию. В комсомол обращайтесь. Но, пока я здесь, тебе на стройке не будешь, запомни! — Соболь кисло улыбнулся — Нет специального образования — вот и основание. Иди жалуйся.

Годунов вернулся в клуб. Перерыв еще не кончился, и он сразу увидел своего. Новость тут же распространилась по клубу. Давидович раскиснулся и собрался было бекать к Соболу.

— А собрание что будет вести? — остановил его Соколов: — Да и не поможет это. Раз уж он на нас попал, то не отменим, уговоры не подойдут. Ты, Годунов, бери пока мою машину и втроем в трест, в парток. Там все расскажем. А я и мне отсюда позволю.

— Михаил Илларионович, можно вас на минутку?

— Не видишь, у меня люди. Секретарша все-таки подошла на щипочках к Соболу и зашептала на ухо. Начальник вскинул.

— Не криши.

— Пойдемте скорее. Никогда еще не ходил Соболь по поселку так торопливо, но все равно опоздал. Когда он раскиснулся, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

— Стелю на голосование. Кто за то, чтобы избрать Давидовича в зал клуба, соборные укс кончили, засадили члены комитета. Рыженская каменища со второго этажа объявляла:

Юрий ШЕВЧЕНКО

дунов, будешь отвечать за каждое слово! Надувательство, если я правильно понял, — это неверная система заполнения нарядов на наших объектах, так? А кто заставлял мастеров, к числу которых ты сам принадлежишь, ежедневно проводить в жизнь неверную систему? Кто-нибудь слышал от меня указания на этот счет?

Соболь обводит взглядом зал. — Вы нам рады не заткнуйте. Можно а? — тянет вверх руку Батуру.

— А чего нам говорить! — вскакивает один из мастеров. — Оклеветать нас хочет Годунов, ясное дело! Если имеется где маленький невпядок в документах, так мы сами на местах выкопачиваем...

— Какой невпядок — развал! — кричит с места Батура.

— Годуновский дружок! — Начальник жестом сажает Батуру — Другого ты и не скажешь.

— Вы нам рады не заткнуйте. Можно а? — тянет вверх руку Батуру.

Лыкин стучит авторучкой по графину. — Тебе, Вихор, никто слова не давал. Прощу не перебивать выступающего!

— Ты отвечаешь товарищам, кто в порочной организации труда Годунов сам виноват наравне с другими. Прежде чем выходить на трибуну и обвинять коллектив, нужно у себя на устах навести порядок. Теперь об немом. Суть дела в том, что Соболь выполнил в срок задание на дом.

Построил дом. Все ясно, никакого подлога нет. Но мастер является ко мне и начинает скандалить, требовать, чтобы я залез в государственные карман и изымално выдал его людям, премию. За что, можете спросить? Приписками, значит, занялся?

— Постойте, постойте! — перебивает Соболь черноволосый саингидар в плаще, ряту. Четвертый дом построил на месяц раньше срока. И вы же сами предложили Годунову премию, даже выдать ведомости!

— Откуда такие сведения, товарищ... не знаю, как тебя величают?

Лыкин прикрывает губы ладонью и шепчет в сторону Собола: «Соколов, секретарь горкома комсомола».

— Не совсем верно так информировали, товарищ Соколов, — вытарахт начальник лоб слезным платком. — Ведомости Годунов получил — это так, но подписана она не была. А выдал я ее мастеру из вполне понятных побуждений, как он среагирует. До этого Годунов респимался, что нет успешных сдач до конца полугодия. Стоило пообещать участку дополнительную сумму — и резервы

лась агнование, минская бригада зашумела. — Да это же брехня!

— Не так было дело, что он плетет! — Премия же вы не выгнали Годунова из бытности бригадиром, а назначили мастером!

— Клеветал!

— Хватит! — крикнул Соболь. — Вы думали, что я буду скрывать ваши проделки! Годунов, смею, дам отчет подчиненным!

— Подлинный, но... — Вот тебе и но! По-моему, товарищ, все ясно!

С задних рядов к сцене начал пробираться Саякин. — Не бери горлом, начальник. Ничего людям неясно. Я сейчас проясню.

— Просиять будешь в другом месте. На нарде и твою подпись.

Соболь зря упрекнул Лыкина. Под горную руку. Уж что-то, а комсорт никогда и ни а чем не мешал ему. Да и как он мог мешать, если темен соприкосновения у них почти не было. Не без помощи Соболя Лыкин четко определил себе свои обязанности в Соленном. Ребята должны были всеело. В клубе должна играть музыка, кинопередвижка не опадывать, художественная самодеятельность гремять. Еще одну иркушку он считал первостепенной: на фасадах должна обильно гудеть, а также своевременно обновляться наглядная агитация.

И Виктор справлялся со своими обязанностями. Нюх на художника и музыканта у него был отличный. В комитете сидели до него переизменные известной активности, малавели призывы на кумач, запасы которого Соболь исправно пополнял. В клубе крутили Курочкина.

И, конечно, ему показало совершенно неуместно то, что на этом отчетно-выборном собрании вдруг затрянулись разговоры не о комсомольских делах, а о стройке. Секретарь сидел, нахмурившись, уткнув нудравно глаза в отчетный доклад, о котором в премиях не упоминали, слушая демурыные упрёки.

— Да, на стройке много всякой чулки. С этим он согласен. Раз все говорит, так оно и есть. Но, повольте, что может сказать комитет! Запретить, урезать! Да у нас и прав таких нет! Никто и слушать не станет. Строители, знаете, какой народ! Нет, конечно, он бывает на объектах. То есть как уместовато! Откуда он знает, что Годунов в дан-

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Читатель вправе знать, как сложились судьбы героев в дальнейшем, каков исход конфликта.

Годунов был избран секретарем комитета комсомола стройки. Месяц спустя Соболь освободили от работы. Бывший начальник СУ был наказан, уехал из Соленного. Надо думать, что из нового места работы он не вернется к злуотребиванию. [надежда на это и заставила автора изменить фамилию начальника стройки].

На воле главы комитета ВЛКСМ, Годунов примерно назвал себя, добротой стройки стала пометке ударной. Новый город в тайге под Комсомольском вырос в сром, продолжает расширяться, на полную мощност работает уже горно-обогатительный комбинат, ведутся работы и на бывшей гаревой поляне.

И последняя весть из Комсомольска.

Накануне выхода этого номера журнала автор связался по телефону с Б. Соколовым, бывшим секретарем комитета комсомола райкома партии. Он сообщил: Николай Годунов сейчас работает в горском комитете парткооператора.

Со стр. 12.

шес таксиста доблестно, а смех стерла с лица злобая гримаса.

— Галя, деньги! — крикнул отец, открыл дверь в другую комнату. — Сорек рублей для этого дома. — Рухнул на диван, в выцветших подлокотниках подлокотком лицо, — ступил ступил — странный прилив нежности. Но отец ничего не замечал.

— И ты — вот! Живое! Что? И собираетесь нечего. — Вера с недоверием и растерянностью посмотрела на отца. Но он уже широко раскрывал дверь.

Перенюс, когда поймешь, что ты дрянная, парнишка девочка и без родителей не можешь и веру ступить...

Она не шутила.

В шесть вечера в кабинет Крумын вошел Верин отец. Весь его вид выражал нетерпение и беспокойство.

— Какое-то никаких сведений? Но ведь вы же милиция!

— На работе ее не было, но мы все предупредили. — Голова мне кажется... — столько для Ирма, сколько для себя самог сказал Верин отец, — что моя дочь — урод. Случается же такое! Был нормальный ребенок, а выросло сплошное отклонение от нормы; уродина, родители дернут, все сорудило на себя короче. Что в мое время да что-нибудь с отцом, с матерью так разговаривали!

— Почему это произошло? — после долгого молчания спросил Ирма.

— Года два. Знаете, что она однажды заявила? Скучно мне, говорят, дома... Ирма смотрела на этого прищипанного обручниками на щеках несчастного человека, думала о том, что в своих родительских «парнях» с детьми многие, сами порой того не замечая, ставят себя в трудное положение. Часто да родители задумываются над тем, как ведут себя с ними, что дают им, чем привлекают? Если в их отношениях с детьми намечается нечто вроде разлада, они торжестно орудуют все повозрастающее чадо, поставляют его на жесткие условия, доброту, подлаживаются под него. А то ля это, что ему нужно?

— Кто бы мог подумать, что так получится! — горестно разводит руками Верин отец. — Ирма! Я был уверен, когда выпал ее, что она пойдет к родственникам или в крайнем случае к знакомым.

— Нет, Виталий Александрович, к родственникам пойти она не могла...

— Почему? — почти закричал Новиков.

— Потому что у нее есть свое самодовле, самодовле повзрослевшего подростка. — Ирма говорила, как всегда, тихо с мятущим, чуть стучащим прибалтийским акцентом. — Не видите в ее поступках логику, тут сильные эмоции, искаженные эмоции. Для вас она была и остается ребенком, но для себя она взрослая, чтобы прокатить вам, что она не ребенок, Вера идет на все.

— Вы оправдываете ее? — с горечью воскликнул Новиков.

— Нет, — покачала головой Ирма, — пытаюсь разобратся.

До двух ночи Вера, глотая слезы, проясляла до ушпан. Конечно, она могла пойти и туда, но та ступа была совмещена с родительскими, это удивляло, а этого Вера уже не хотела. Пугала и отталкивала ее даже не отговаривающая «грубость», а удручающее безветелье и унылая домашняя атмосфера, которую она про себя окрестила «тоской семейной». Когда она ходила в дневную школу, все разговоры с родителями сводились большей частью к тому, какую оцен-

ку получила Вера и подготавливал ли она к контрольной. Вера и в вечернюю школу шла, чтобы не ощущать этой, как она считала, унизительной зависимости.

Время, когда она сама приставала к отцу: «Паш, ну поговори со мной, мне скушно!» Но отец, зевая, отшучивался: «Сейчас оркестр пригнали!» К матери же и приставать не стоило: до того она была самозабвенна. И постепенно, постепенно в ее родительских стараниях угасало. Вначале подостало, незаметно («У тебя свои интересы, у взрослых — свои»), потом все ошутеннее («Чего скрывать-то, могла бы и подлеститься к мужикам!»). Увы, это был уже запоздалый призыв.

Деревяшка, конечно, друще — продаду Веру лешено и мелко, но уж лучше Милкин расматривать, чем Ирма. И не пугалась Ирма отцов. Тем более, что общество у нее собиралось хотя и разнородное, но веселое и интересное. То мастер спорта по альпинизму придет, то артист, то кто-нибудь — лауреат, сама Вера не могла сблизиться ни в истинной ценности Милкиной компании, ни в тех причинах, которые объединяли стол разных и немножко других на дружеском обеде. И не пугалась Ирма отцов. Главное, там было «дворное» и там ее не учили жить.

И Вера пошла к Деревяшкиной...

Вскоре мать получила от Веры записку: «Пожадуиста, не ищите меня. Я живу у знакомой. Не умею самодостать лег, и я вполне самостоятельна. У меня есть паспорт. Если пойдете в милицию, сообщите об этом». —

Ирма была слишком опытным работником милиции, чтобы не найти выход из создавшегося положения. Она подождала к поискам Веры и сразу бросилась поочередно и ребят на оперативных отрядах района комсомола. Через два дня адрес Деревяшкиной был у нее на столе.

Новиков приходил к Ирме каждый вечер. Его было интересно жаль его, но однажды она все же сказала:

— Думаю, doch вана, Виталий Александрович, ушла из дома не столько потому, что мы ее не заметили, сколько потому, что она сама не хотела. Ирма, когда мысленно проходила по этому ей было несомненно тоскливо и одиноко.

Голос Вериного отца сразу стал громким и неприязненным.

— Почему же вы полагаете, а перед ней легиону тамцевать должен быть? Да я прихожу домой вымотанный и усталый — у нас, у прорабов, рабочий день неформирован, — разве мне до ее настроения? Или когда мысленно проходила по этому ей было несомненно тоскливо и одиноко.

Зачем же легиону, — осторожно возразила Ирма. — Один мой знакомый, например, ходит на службу, поверьте, не меньше нас, полностью откладывает дочери выходящей дель: ходит с ней на лыжах, водит по театрам и концертам, рассказывает о своей работе, а девочке свое двадцатилет лет. Другой улетел сына коллекционером...

— Но я ведь не коллекционер! — в сердцах воскликнул Виталий Александрович. — Не ну мажист, не фиделитист, не театрал даже... —

Зачем же легиону, — осторожно возразила Ирма. — Один мой знакомый, например, ходит на службу, поверьте, не меньше нас, полностью откладывает дочери выходящей дель: ходит с ней на лыжах, водит по театрам и концертам, рассказывает о своей работе, а девочке свое двадцатилет лет. Другой улетел сына коллекционером...

— Но я ведь не коллекционер! — в сердцах воскликнул Виталий Александрович. — Не ну мажист, не фиделитист, не театрал даже... —

Зачем же легиону, — осторожно возразила Ирма. — Один мой знакомый, например, ходит на службу, поверьте, не меньше нас, полностью откладывает дочери выходящей дель: ходит с ней на лыжах, водит по театрам и концертам, рассказывает о своей работе, а девочке свое двадцатилет лет. Другой улетел сына коллекционером...

— Но я ведь не коллекционер! — в сердцах воскликнул Виталий Александрович. — Не ну мажист, не фиделитист, не театрал даже... —

Зачем же легиону, — осторожно возразила Ирма. — Один мой знакомый, например, ходит на службу, поверьте, не меньше нас, полностью откладывает дочери выходящей дель: ходит с ней на лыжах, водит по театрам и концертам, рассказывает о своей работе, а девочке свое двадцатилет лет. Другой улетел сына коллекционером...

— Но я ведь не коллекционер! — в сердцах воскликнул Виталий Александрович. — Не ну мажист, не фиделитист, не театрал даже... —

Зачем же легиону, — осторожно возразила Ирма. — Один мой знакомый, например, ходит на службу, поверьте, не меньше нас, полностью откладывает дочери выходящей дель: ходит с ней на лыжах, водит по театрам и концертам, рассказывает о своей работе, а девочке свое двадцатилет лет. Другой улетел сына коллекционером...

— Но я ведь не коллекционер! — в сердцах воскликнул Виталий Александрович. — Не ну мажист, не фиделитист, не театрал даже... —

Зачем же легиону, — осторожно возразила Ирма. — Один мой знакомый, например, ходит на службу, поверьте, не меньше нас, полностью откладывает дочери выходящей дель: ходит с ней на лыжах, водит по театрам и концертам, рассказывает о своей работе, а девочке свое двадцатилет лет. Другой улетел сына коллекционером...

Она поднялась на десятый этаж и позвонила. Дверь открыл Деревяшка.

— Старший лейтенант милиции Крумын, — представился Ирма.

— Кто вы? — удивился, что вы пришла? — внешнею осведомился хозяин.

Участковый улыбнулся.

— Были неподалеку, заскочили на огонек... Ирма остановилась в двери комнаты и сухо кивнула собеседнику, стараясь не смотреть на исторжало коммарию. Но Ирма ни на кого внимания не обращала и смотрела только на Веру.

— Что вам от меня надо? Что вы хотите? — выдерала, тонким дикантом крикнула она Ирме. — Это мой дружи! Слышите, мой дружи, и не маме этого!

— Не волнуйтесь, вы горюетесь с выходящим, — спокойно возразила Крумын, — Скорее всего — это не очень хорошие знакомые, но мне бы не хотелось сейчас спорить с вами. Давайте увидим остальных. Ирма не приказывала, не требовала, она просила.

— Послушайте, — вмешался бородатый мужчина лет тридцати пяти в замшевом, кофейного шака виле, — вы же не так крупный перстем на руке, — а вам не кажется...

— Ее из дома выгнали, я ее приотла, — перебивая его, яругд закричала Деревяшка. — Не робейте, а уроды! Вера смеялась, но Деревяшкина не смела. Ирма не могла сказать, что в том же тоне: — Девка на работе не ходит, боится. Я ее кормлю, пою, и мне же еще за это неприятности!

— Безразлична, — усмехнулся участковый. — А ну, представь-ка нам свою насту... Ваши документы, — продолжил он, переходя на официальный тон.

— С некоторо поездею по карманам и в сумочке.

— Сильнов Олег Николаевич, — читал участковый вслух, — 35 лет, инженер... Мухин Вячеслав Федорович, — 30 лет, инженер... Засядько Анжела Викторовна, студентка техникума, — 20 лет, инженер... Семенов Александр Викторович, аспирант МГУ, — 28 лет... Деметьев Юрий Фомич, судовой механик, — 33 года.

Участковый записал фамилии и адреса, а потом сухо предупредил:

— Каждому из вас будет вручена повестка с указанием в милицию. Нужно выслать кое-какие документы.

— Вся эта сцена произошла на Вере такую тугастное впечатление, что она едва не плача кинулась к ней. Крумын и участковый вышли следом за ней.

— Сколько я ни сталкивался с трудными подростками, — рассказывала мне позже Ирма, — столько наталкивался на эти «пожизненные» стороны, физическая зрелость, с другой — даже не интеллектуальная, нет, социальная неразвистость. В искусстве это, наверное, называлось бы «протестом».

Сам подростки, к сожалению, в большинстве случаев не способны ориентироваться в сложных эстетических вопросах и зачастую руководствуются только своим инстинктом. Совершенно иначе: я взрослый, мне можно! И если рядом нет туготкого и умного воспитателя, человека, который мог бы убедительно и тактично показать, где в искусстве и литературе совершены ошибки, взгляды подростка претерпевают своеобразную абстрацию: хорошее выглядит нестогим, плохое — заманчивым...

И история с Ирма на Виталий Александровича Новикова падает значительная часть нмн. Безразличие к внутреннему миру дочери, нежелание утрудждать себя постоянной заботой о ее духовном развитии привели к тому, что Вера стала искать общения там, где ее готовы были услышать и признать равной...

— Все это Ирма высказала и Вериную отцу. Вначале Виталий Александрович возражал ей, но со временем, когда она начала оправдываться, но в конце концов только все же понял и генер стремился только к одному — наветрять угущенное, наладить свои отношения с дочерью.

Трудно сказать было с собой Вера, Новиков Ирма поговорила, но от отца и к нему не приводила. «Он меня выгнал, — твердила она, — да и вообще мы совершенно чужие». Вера сняла «клетушку» у какой-то старухи и дома возвращаться не хотела.

— Однажды Ирма пригласила к себе и отца и мать. Встреча началась была натугной, но к счастью, общение с Деревяшкиной не успело

оночательно испортить Веру. Увидев, как страдает и мучается отец, Вера заволаблалась. И именно тогда Виталий Александрович наизусть те слова, которые подталкивала на нее больше всего:

— Не суди меня строго, — сказал он, опустив глаза. — Вези отец тебе. — Голос у него был глухой и истрадавший.

Ирма понимала: это еще далеко не примирение. Но надежда уладить этот драматический конфликт уже забрехала.

Ирма Круминь работала с трудными подростками уже пятнадцать лет. Она знала их психологию, умела убеждать, разговаривала на одном с ними языке. Она отдавала ребятам всю себя, не щадя, не жалея на них ни сил, ни времени. Но, надевая друга, она в чем-то обидела себя. Может быть, это сказало и на ее личной жизни...

Мы познакомимся с ней в Трусовске несколько лет назад. Однажды в парке на концерт я увидел неподвижно от себя пару: высокого красивого мужчину с седыми висками и маленькую, даже не милую женщину с короткой стрижкой и глубоко посаженными, невыразительными глазами. Но было в них столько пронзительного света, столько счастья, что я опустел враз. На них оборачивался...

Позже я узнал, что с женой он в разводе, но, чтобы не травмировать дочь, они по взаимному согласию — до ее совершеннолетия — решили сохранить видимость семьи. Раз в год он приезжал сюда, в Трусовск, из другого города, чтобы увидеться с Ирмой. Только раз в год. Только на один месяц. И так длится уже шесть лет. Через год его дочь собирается поступать в Ленинградский университет...

У Ирмы могла быть своя семья и свои дети. Но она ждет его...

С Деревянской Вера больше, как и обещала Ирма Круминь, не встречалась. Она вернулась домой, вновь пошла в мастерскую, а там и стала готовиться к поступлению в химический техникум. Пятилетку в отношениях с родителями, конечно, не исчерпала, но до scandals дело больше не доходило.

Единственной нишечкой, которая связывала Веру со старой компанией, был номер телефона, оставленный ею бордюрцу в замешенном виде. И никуда эти ребята никуда и не стали.

Первый звонок раздался через неделю. Узнав, кто говорит, Вера повесила трубку. Но телефон все звонил и звонил, настойчиво и intrusive, и девочка не выдержала.

Вначале ничто и ни у кого тревоги не вызвало: Вера уходила из дома только по субботам и воскресеньям и в половине двенадцатого уже возвращалась назад. Но однажды соседка сказала ее матери, что видела Веру в парке с «каким-то мужчиной», и дома началась тихая паника.

Новиков опять принес к Ирме. «Что делать? — спрашивал она возмущенно. — Как отвести новую беду?»

Ирма опять вывозила к себе Веру.

— Что вы теперь хотите? — закусил губу, спросила та. — Когда вы приедете к Деревянской — это одно дело, а теперь совсем другое.

— Я не хотела бы вам говорить, всего, что знаю, — сказала Ирма как можно теплее. — Разве мы не поехали? Ведь он...

— Что он? И что вы знаете? Что женат он? Знаю! Что врал все и никакой он не кишинчик, а товаровед? Тоже знаю! Да что из этого? Вы, наверное, никого за всю жизнь и не любите. — Вера сорвалась, теперь она почти кричала. — Только и знаете, что советы подаете, но позвольте все раскладывать! Вы прямо и не женщины, а сухарь какой-то! На вас и мужчина ни один не обернется! Проводит и не поговорит...

Ирма сидела несвершая. Минуту она не могла пошевельнуться. Потом, не глядя на Веру, вытаснула из ящика стола ключок бумаги и протянула ей.

«Людьми! Если уломаешь Верку, японские сапожки за мной. К тебе она не пойдет, но у меня Лиды с паданом уезжают. Действуй! Виктор».

Вера отпрянула: и вчерек и нкя были ей слишком хорошо знакомы.

— Я бы желала вам мой любви, — вымывала из себя Ирма.

Вера как опаренная выскочила из кабинета...

Вера и на этот раз была отведена. Как все сложится дальше, ни Ирма, ни Верина родителю не знали. Не зная ни того, что произошло между их дочерью и Ирмой Круминь. Но что-то в Вере изменилось...

Дремлет в памяти первое слово. Как в белизне, лежит тяжело. Я смотрю не по-детски сурово на морозное это стекло.

Сорок третий да сорок четвёртый, — белой елкой западет потом. А пока — мстившим, потерям укрываемся черным платком.

А пока — спелые картинки: пляшут белом, да зайцы бранчат. Мяснисто солнце коптели. Кривоноги. Да плач неполад.

За карбофельных серых омыток ожерелье — промерзлую слезь — станет бабка поклоны Пречистой перед мертвыми образом клать.

Слух дука, а горячку оку — что оклад, что малынюк казать... Но и весте начинаешь глупо, хрипиво и остро дышать.

Эти косточки, ребрышки, плечи, этот пристальный, дремлющий, загляд...

Но, безмолвное таежное речн заподорошь еще издачке, очарованно птицы молчат.

А та любовь, которая щела, и та душа, что в небеса летела, еще со мной расстаться не успела, когда я по дороге темной шла,

где щел бурьян, серебряной репей пыла свекловичной красотой заката, и никакая виной не виновата была земля перед бедой мой.

Ну, поглядя, как теплоп: а пузу лебяжьем глугушоном — пленный, так прост, так мал — не более

дрожащим тельцем, нагишом — нетленным, пока расцвует старых голубовом ему дарит доверчиво земля.

Моей работы нищие права, моей свободы древние законы не свет, не плач — но каторжные звоны стиха, пока не слышны слова.

Любимый, бедный! Мы опять равны, мы так волюн, когда я засыпаю, и над страной безбрежной пролетаю, и везу гляжу, и смутно вспоминаю гримучие младенчество трави.

Ах, он-то знал, как перебиты злато, как широки и каменные палаты, как сладко это — женщины целовать...

Я перед ним так страшно виновата [а слезы — соловьиная расплата], моя вины ему бы не подняты.

И я тогда сказала: — Боже, Боже, отдай ему весь этот мир промокши, а мне оставь черемушную пядь

моей земли, песчаной, подмосковной, моей страны, запятой, огромной, — мне ль да не знать, как у тоски любовной нечаянные песни звиняют!

Еще дубы стоят зелено-мудры. Не мне ли знать, что на сердце тайл тот, кто взметнул их спутанные кудри, и подножью травы влажные степей!

Им недомог — большим, зеленорогим, — что дальних веток тонкий оком уже горит орнаментом, глубоким, инертным, открытым огнем.

Что отзвенели лучшие недели, ноябрь — в пути, и в пятые горле — том, что в ржавый бубен беглые метели уже стучат, как дятлы, молотком.

Уже казались: на весту лист каждый, каждая травинка... Но выпал снег — и стало видно, как много зелени в лесу.

Как — инертный — он еще богат, как — мерзлый — он еще горячий; как пятнышек перышек брестя, как ржавый желток бутнет; как шмель назвался: винократ; как хвост пушист бороду юзю, как расплылся во сто крат рыбин иславенные грозды!

А ель надеда стеганку на вате. Снегирь-чубышка аленикий сидит: среди седых, среди развалых пятен, что костеры, что ягодка, горит.

Но слаще всех — иславенной рыбин распластаете настержа жаворон, их мерзлым вкусом — это говорю, чужбин; приходской мышин ницкая сула

опять легка, и соноровенной пеня звучит чрета подомного набат, — и то ли снег, то ль облачные перья над головой задушничкой летят...

Памяти матери.

Опыт без сна мне маньясь во сне: нищя огия — и не нашарю спичек, и кто-то входит в комнату ко мне, молчит, а будто кличет не дождичек.

А после глядит голову мою, и я дремлю, и не промолвить даже: «Утешься; я по-прежнему люблю, а ты же, живая, я только краше!»

Как скоро я ере пережму! Не оглянусь — и голова седая. Оно придет, как встарь, как наяву, — застенчивая, нежно-молчаливая

отвергнет хлеб и соль, и то вино, что беретут для праздничной беседы, и вдруг шепнет: «Ну, до чего ж

темно!

И — мне: «Уже неждо до победы».

О, я знаю, что всё вперед — целый век! И со мной остается этот край, где гудит дождь, под которые грустно поется.

О, я знаю, что чаша полна и, пошаву, вином плененост. Только что ж ворочает чермет — отгорела уке! — бузина!

О, я знаю, он очень далекий, день, которого жаво не будет. И цветет январьм восток и лицо восплаенное студит.

И опять там отменил речист воробей, дождь лжебом обьян, и блесит подорожника лист, зелен, будто и впрямь смонженен.

Юлия ИВАНОВА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ЗЕМЛЯ ДИСКОВЫХ

О тель недаром назывался «Синим морем». Зеркальные стены и пол, искусно подсвеченные, создавали иллюзию необъятного океана, по которому перекатывались белые и бирюшки воды. Но океан этот казался безжизненным — может, потому, что декоратор воду сделала слишком чистой, в волны совсем белыми. Поступая в воде шарообразной лотки, которая при желании начинала тихо качиваться, будто на волнах.

Винная комната оказалась обставлена в зеркале. В зеркале и сейчас с любовью разглядывала стройное, загорелое тело Николь, вздрагивающее под цекующими ледяными струями циркулярного душа.

И вдруг... Я уже почти привыкла, что у меня лицо Николь. Но у парня, что встретился мне в коридоре, тоже было лицо Николь! Вот почему он мне показался знакомым. Абсолютная копия, только сделанная под мужчину. Мне стало не по себе, но размышлять не хотелось. Наверное, и слишком много выпила. Я вышла из душа под фен. То ли меня покачивало, то ли Унго включил кахуку.

Гадая, как он раздвигается, я подумала, что статуя с него штампуется не зря. И что последний эксперимент Ингрид Кейн грозит заткнуться. Кто я — не все ли равно? Мне девятнадцать, а Унго просто внегоднейше.

— И не дай же нарушить режим! — недобродливо заявила он, поглядывая на часы. — От этого портится внешность.

Николь, ты не прав, он очень даже забавен. Я поцеловала Унго, и на этот раз его мягкие губы нетерпеливо встретили мои. Уже не выпускала меня, он выключил свет, и над нашими головами зажглось звездное небо.

Я проснулась внезапно — будто изнутри что-то толкнуло. Часы показывали четверть шестого. Глаза привалили к моему плечу, послышался Унго. Морю исчезло. Через выходящую на улицу стену в комнату пролился тусклый дневной свет, по другой, телевизионной, уже беззвучно мелькала ладья рекламы и спортивной кройки.

Боль в ногу. На ступне — свежая глубокая царапина. Откуда? Я вспомнила, что это Николь поранывалась о металлический прут, когда шла за мной в супермаркет. Я вспомнила все.

Голова после вчерашнего ничуть не болела, мозг работал ясно и четко, и снова я подумала, что молодость — стоящая вещь. Даже если она повторяется. Я лежала в объятиях Унго и скрупулезно, минуту за минутой, перебирала в памяти все события вчерашнего дня.

Итак, можно считать последний эксперимент Ингрид Кейн удавшимся. Теперь меня интересует другое — эта девушка Николь. Брандо, ее непонятное тело, отныне ставшее моим. Странное,

бурные эмоциональные ситуации никак нельзя было объяснить просто молодостью. Патологические изменения в мозгу, неразличимые даже точнейшими приборами! Но какова их природа, причина?

Даже мое любопытство, кажется, выросло в этом проклятом теле до гиперболических размеров. А я-то полагала, что проживу в нем всего сутки! Действовать немедленно.

Я стала торопливо одеваться. Проснулась Унго, взглянула на часы.

— Куда ты? До завтрака еще 47 минут.

— В моем режиме прогулка до завтрака. Улучшает пищеварение.

Унго понимающе кивнула.

— Если хочешь, мы можем встретиться в четверг и в субботу. Ты ведь знаешь, где меня найти? Я не знала, но ответила утвердительно. Просто чтобы отвлечься. Мне уже было не до него.

Утренние газеты извещали о кончине Ингрид Кейн, в прошлом известного нейрофизиолога, ныне содержательницы одного из самых популярных домов «последнего желания», и о конфискации, за неимением наследников, всего ее имущества в пользу государства.

Теперь у меня не было ничего — ни дома, ни имени. И шла по улице, безуспешно пытаясь выработать какой-то план. Идти по адресу, указанному в документах Николь, было рискованно, осведомлены о ней — тем более, Нелзя даже просто гулять — ведь в любую минуту мне может

встретиться кто-либо из знакомых Николь. Бродя того странного парня с ее лицом.

Время завтрака кончилось, город опустел. Меня подождал полицейский. Попасть?

— Почему не на работе? Гражданский номер, фамилия?

Ничего не оставалось, как назвать координаты Николь. Пока полицейский справлялся у компьютеров, я приглядывала, не попытается ли ударить. Но он повернулся ко мне улыбаясь и кизирнула.

— Можешь идти. Извини.

Ну и ну! То ли Николь работала в каком-то ночном заведении, то ли вообще имела право не работать... Интересно...

Одна из улиц была перегорожена — что-то строили. Я пошла в обход. И...

Стоп! Почему именно эта улица? Я проанализировала свой путь и с удивлением обнаружжала, что с самого начала шла в определенном направлении, а не блуждала, как казалось. Странно. Район этот был мне неизвестен, но я чувствовала, что непременно должна пройти по этой улице. Почему? Куда?

Эта странность опять-таки исходила от тела Николь. Ее дом? Судя по документам, он находился в противоположном направлении. Но документы были подделаны. Самая компьютер в доме Мод привнес адрес правильным. Пойти туда? Нелзя. И не идти нельзя — единственная занепа.

Пока я колебалась и взвешивала, ноги сами вывели меня через переулок к перегороженной

улице. Мне хотелось туда, мне нужно было именно туда. А куда бы будет?

И я пошла. Миновав эту улицу, свернула на другую, на третью. Несколко раз меня останавливали полицейские и каждый раз, извинявшись, уходил. Сначала еще надо? Видно, Николаю нравилось ходить пешком. Город качнулся, потянулись виллы, но я не думала ни об усталости, ни о том, что так и не позвраткала. Я почти бегом. Я знала, что сейчас приду.

Здесь. Стандартная вилла, которую я беспробочно выдавала средн стотн других, похожих на нее, как две капли воды. Сердце билось, будто после чашки крепкого кофе. Есан это дом Николая, она должна звать шифр замка на входной двери. Но он сперт и ее могла вместе с другими сведениями. Попытаться нехалз. Оставалось снова лезть через забор, хотя мой экстрематический инстинкт мне доложил, что шифр замка на входной двери пришлось держать в зубах. Мне повезло — сады было пусто. Только два робота, закончившие утреннюю уборку участка, неподвижно стояли под навесом, подслезавшая включением газона.

Я беспрестанно вешала в дом. Ни души, тишина. Шторы на окнах спущены, ковры скатаны. В доме паром повисла коммат мой шани отвалилась гулаком эхом.

Меня не покидало смутное ощущение, что я уже была здесь прежде. Как если бы я когда-то была все это по себе. И вместе с тем это не была дом Николая, что я установила по отсуствию характерных признаков, которые отличают жилище женщины.

Кто он, этот мужчина? Его непонятная власть над Николаем, которую даже смерть не могла стереть...

— Нехалз! — вдруг рявкнула за спиной. Из стенового откоса, упрямое раскисну пупальца, вылезла на меня дилетант робот. Я поворачивалась и стала вталкивать ему, что я Николай Брандо, гражданский номер такой-то. До сих пор это вывучило, но на сей раз сработало, кажется, в обратную сторону.

Николай Брандо. Нехалз, нехалз, нехалз! — заревел он, продолжая терзать меня к дивану. Я не стала дожидаться, пока меня конуется его ладонные лапы, и повисновалась. Это чуело пладо за мной до самых ворот. По дороге и пыталась что-либо у него выведать, но он был из еще более молчаливой серии, чем мой Жак, и на все вопросы лишь туло и раскатило повторал:

— Давно, времени у меня много, в девятнадцать лет можно не торопиться.

Николай Брандо. Нехалз, нехалз. Нехалз! — Давно, времени у меня много, в девятнадцать лет можно не торопиться.

Подолеву в ресторанчике я с ашпитетом пообещала. На языке была только проклятая. Я вышла напрокат двухместную «Астотку» и, развернув ее так, чтобы интересующая меня вилла была идеалом в поле зрения, стала с крыши наблюдать.

Ждать пришлось долго. Очень хотелось вылезти из машины и размяться, надевала мухи и мужчины. Но я терпела. Любопытн, как быстро человек привыкает ко всему. Даже я, вневидно привыкшая к молодости. Мне уже казалось невероятным, что еще вчера утром я не могла пройти без дышкн и сотни шагов, едва не померла от пресквозного бышкотожа, а эти улавивались сейчас возле моей машины парни голыбо, бы мне в пантуки.

Только смалзливело лицо Николая в зеркале над рулем. Тула я старалась не смотреть.

Уже меркала, когда на крыше виллы возле черного аэрора появились две фигуры. Высокий мужчина и женщина, закутанная в серебристую плащ. Их аэророл повернула к Столице, моя «Астотка» вздрогнула.

Были как раз часы пик, скорость ограниченная, и обе машины шли на автопилоте. Это облегчало преследование — расстояние между ними не сокращалось и не увеличивалось.

Внезапно черный аэророл пошел на снижение и исчез. Разноцветные квадраты городских крыш, почти на каждой стоящие, почти на каждой, — черные аэроролы. Какое-то проворонили. Я ткнулась на первой появившейся крыше и отправилась на поиски пешком, твердо уверяющая в их полной безопасности.

Искать идуло у стое сеня...

Вне кро осененного полдезла ночного кауба голдпалс нард.

— Что здесь? — спросила я у одной из девиц, безуспешно пытаясьсь проглотиться к дивану.

Девка Гур. Присела она и снова, захватив под мышкой сумочку, ринулась в толпу.

Интри. Кей отстала от жилия. Девка Гур. Как-ки-нибудь очередная знаменитость. Девка. Это ведь Николаю нравилась перед смерткою. Чепуха. Млад на свете Девка!

Мне помогла отлочно развитая мускулатура

Николай. Еда, и взмалыная и растерзанная, провалилась в сад, как хлопок перевернул и свет стал меркнуть. Похоже, я попала в цирк. Зрительские места располагались амфитеатром, арена внизу была заставлена черным пушистым ковром, в котором никто не мог отследить отблжались актеры.

Ударила гон, и на арену вышел вышкн худой мужчина в традиционном наряде фокусника — фрак, белоснежная манишка, плашиар. Однако на арене была только одна фигура — белая заштышная маска с узкими щелями рта и глаз, с наивышшим надом абом фиофелетным преламия парика.

И я узнала этот человек так же, как и его дом. Будто вилала когда-то не, мне его пошкму, ступало, медальные округлые жесты, слышала его голос.

— Степал! — позвала он. На арену вышкена молодая женщина, в противоположение ему совсем раздетая. Однако натога ее выглядела естественной и домашней, будто она только что из ванной. Женщина послала пугавое раздраженное поцелуй, вельса на тумбу и застыла в позе статуи.

Мужчина подошла с ковра тяжелой молот. Размакнувшись, он ударил женщину по плечу. Хитро улыбнулся, как зюк, буюл, буюл, буюл, и рука женщины упала на ковер. Он снова подошел молот. Дзинь — упала другая рука. Продолжая улыбаться, скатился на ковер голуба. Большие мотыльки начали кружиться вокруг женщины.

Когда я отблала глаза, женщины не было — только рука обидра-розового мрамора, по которому колесила мужчина, превращая ее в мелкое крошечко.

За реинтронна на происхождении довольно равнодушно — перешептывались, пересмеивались. Кто-то обнимался; кто-то потягивал через соаюмину котелок. Мужчина вымакнул рукой кером ашкитку. Заметался, вылез из узкого пламени, пованна густой дым. А когда дым рассеялся, Стевала снова стояла на тумбе, улыбаясь и посылая в сад воздушные поцелуи.

Адамаскиты, давшие женщине, все словно ждали чего-то более интересного. Говодя программы, ради которого сюда и явились.

Желающих принять участие в сеансе пиниза заперла арена, как много, что образовалась очередь.

— Возмите меня первым, — горничная какой-то парне мне не давала ни за что место.

О-кей! — кинула Девка Гур, обираясь к публике, — только за это пусть он нам уступит свою подружку.

Молай! — Парень ослабилась. — Это можно. Молай! — хорошая девочка.

Пухлякн свежая блондинка, держащая его за руку, пошленно хихикнула.

— Вы давно встречались?

— С Молай?о? Две недели. Молай — хорошая девочка.

— Тогда выпьем за здоровье Молай.

Парень залпом осушила предложение бокала шампанского и удовлетворенно крикнул. Но вдруг глаза его расширились, нижняя челюсть отвисла, и он застыл с гримасой тупого удивления на лице.

А теперь слушай меня! — Гур резко повернула парня к себе за плечи. — Молай не просто хорошая девочка. Она самая лучшая. Она для тебе единственная. Тебе нравится в ней все — как она говорит, двигается, смеется. Живь без Молай! — Это смелая! Молай! Заук была довольно противным. За всемо оживилась.

— Нет ничего прекраснее ее смеха, — упрямно повторила типитотер. — Ее голос, ее ласк. Жизнь без Молай! — Это смелая! Молай! Заук была довольно противным. За всемо оживилась.

— Нет ничего прекраснее ее смеха, — упрямно повторила типитотер. — Ее голос, ее ласк. Жизнь без Молай! — Это смелая! Молай! Заук была довольно противным. За всемо оживилась.

— Нет, так не годится. Ты же нам ее уступи, приятель. Девочка теперь наша. Верно? — За одобрительно загнула.

— Молай наша! Смелая! Молай! К нам, Молай!

Блондинка продолжала хихикать. Парень ринулся к ней, но чью-то руку утащил ее от арены

за барьер, поднимая, передали по конвейеру в другую, в третью, увлекая в глубь амфитеатра. Толпа коммукала.

— Молай!

Это был даже не крик, а рев. Истиснувшийся рев обступившего зрелия. Парень метался вдоль арены по кругу. Смелая, с которой он врезался в толпу, стараясь пробиться к своей блондинке, казалась невероятной. Но толпа, разумеется, была слишком, он отскочил от нее, как мот от стены, и вновь с водем казался обратно.

За всемодаловово.

Наконец парен в изнеможении рухнул на пла и захит. Робот-служитель поднял его и отнес в кричал. Вскоре оттуда доносили равномерный крик.

— Он проснется через 15 минут! — объявила Гур, — кто смедающий?

На арену вышкена малышкн артефакт человек — ко смуглым лицам и темным курчавым волосам.

— Я вас знаю, — сказал Гур, — Вы художник. Я был на вашей выставке.

Человек покачал головой.

— Это было давно. Теперь я жоей.

— Почему? Вы же писали отлчные картины. Человек снова покачал головой. Он вынул из механического иштуклу.

— Плохие картины. Они не нравились комиссии. Мне дали испытательный срок. Я стал работать над декоративными панно для нового планетического зала. Писал паннае алим. Мне казалось, это то, что надо. Но я заблудался. Комиссия забраковала панно, а меня преквалифицировали в жоек.

Рисунки Геннадия Новожилова

Рисунок Евгения ВИНУТИНА

Рисунок Игоря КОПЕЛЬНИЦКОГО

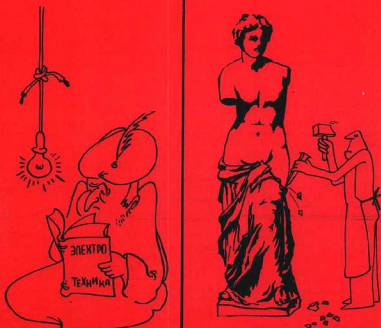
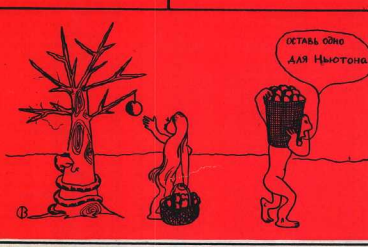

Рисунок Веры ПЕТРУШИНСКОГО

Рисунок Владимира СОБЛОВА

Мелодой чехословацкой гроссмейстер Лян Смейкала выигрывает в международном турнире в Ленинграде подряд семь (!) партий. Был отмечен двумя специальными призами. Награды были установлены за самую длинную серию побед, Смейкала, будучи дебютантом, в составе таного масштаба, стартовал неудачно, но затем продемонстрировал завидные спортивные качества и из аутсайера стал одним из ведущих участников.

Под редакцией мастера
Вик. ЛЮБИНСКОГО

ДВА ГРОССМЕЙСТЕРСКИХ БАЛЛА

Весна удачным явился нынешний год для молодого шахматиста из Ворошиловграда Геннадия Кузьмина. Весною за отличную игру на мемориале Капабланки в Сакрифугосе (Буэнос-Айрес) он был удостоен первого гроссмейстерского балла. Он сыграл пять партий в течение месяца, спустя, на международном турнире в Ленинграде завоевал второй балл, и, таким образом, по числу набранных гроссмейстеров у нас прибыло. Приводим партии Кузьмина с Лян (Шотландия), характеризующую личный комбинационный талант нового обладателя почетного шахматного титула.

1. e2 - e4 c7 - c5 2. Kc1 - f3 d7 - d6 3. d2 - d4 c5 - d4 4. Kf3 - d4 Kf8 - f6 5. Kf1 - c3 g7 - g6 6. Cf1 - c4 Cf8 - f7 7. Cf1 - c4 0 - 0 8. f2 - f3 Kf8 - c6 9. Фd1 - d2 Cc8 - d7. Совершенно новым поединком популярным вариантом «арнама» сицилианской защиты. Думается, что лучшие перспективы на игру сохранит черные посредством 9. ...K: d4 10. C: d4 Cc8.

10. Cc4 - b3 Лd8 - c8 11. 0 - 0 Kc8 - e2 12. h2 - h4 Kc5 - c4 13. Фd2 - e2 Kc4: e2 14. Фd2 - e2 Фd8 - b6 15. Фc3 - d2 Фb6 - c5. Теперь жертвой решим играть белыми Кузьмина вскрывает крайнюю вертикаль, и роль этой атаки в развитии наступления на королевском фланге трудно переоценить.

16. h4 - h5 Nf6 - h5 17. Kc3 - c5 Лf8 - f8 Kd4 - f3 Cd7: f5 19. e4: f5 Kf5 - c5. На выпад черной ионии белые дважды предлагают жертву пешки, принятие которой чрезвычайно опасно.

20. f5 - g6 Kf7 - e7 21. Фd2 - g5 Kd3 - e2 22. Kc1 - b1 Kc3 - d4 23. e2 - c3 Kd4: b3 24. a2 - b3 g7 - e6. Расчитывая на зарыват 25. Nf6: C: f6 26. Ф: f6 Фf5 - , приводящий после размена фигур к равновесной ладной окончанию. Но у белых находится тонкий променуточный маневр, отбрасывающий неприятельского ферзя.

СЕМЬ ПОБЕД КИРДУ

Мелодой чехословацкой гроссмейстер Лян Смейкала выигрывает в международном турнире в Ленинграде подряд семь (!) партий. Был отмечен двумя специальными призами. Награды были установлены за самую длинную серию побед, Смейкала, будучи дебютантом, в составе таного масштаба, стартовал неудачно, но затем продемонстрировал завидные спортивные качества и из аутсайера стал одним из ведущих участников.

Вниманию читателей «Смеяла» предлагается два запоминающихся фрагмента из этой победной серии.

Перед вами позиция, возникшая после 20-го тура черных в партии Смейкала Кузаларом (Колумбия). Несмотря на мелочный ферзь, белые «намертво» связали пешки, образовав в самом центре слона противника. Во избежание худшего черные решили отдать пешку, однако компенсацию за это они никакой не получили.

21. Фd2 - e2! Лf8 - a6 22. Фe2: b5 Лc8 - d8 23. Nf3 - e5 Фf6: g5 24. Cg2 4 Kd7 - f6 g5: Cc4 5 Лe6: e1 26. Лd1: e1 h7 27. Лe1 - d1 Фd2 - f5 28. Фb5 - d3 Фf5 - e6.

Понятно, что разный ферзь вел и проигрывают для черных эндшпиль. Но далее провидителю прославил пешка в любом случае доминирует в атаке. Требуется лишь четкость действий и осмотрительность, что в подобном мере демонстрирует играющая белыми чехословацкая шахматистка.

30. f3 - c3 - c5 Kf6 - d7 31. Фd2 - c3 Kd7 - e5 32. Фc3: c5 Лd8 - f8 33. e4: d7 Lf8 - d8 34. Лd1 - d8 Фd2 - f3 35. Kf4: d2 e6 - f5. Не считая с материальными потерями колумбия пытается на острие стрелы выйти на королевском фланге.

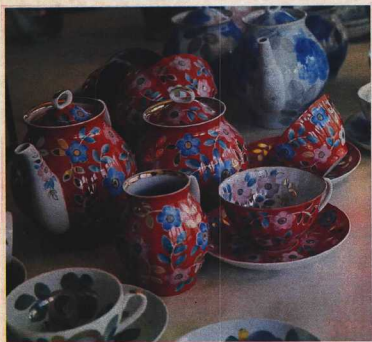
36. Фe5 - a5! Лh7 - d7 37. Лd1 - e2 Kf8 - h3 38. Лd7 - e8 + Kf8: h3 39. Kf2 - d2 Kf8 - h3 40. Kf2: d1 Kc5 - a4. Понятно, что крайний ионии лорная надежда: а вдруг белые могут угрожать там путем 42. Kc2: h3! 43. Kc1: h1! ... 42. Kc1: h1! ... и черные сразу же капитулировали.

На этой диаграмме - ситуация, создавшаяся у Смейкала с гроссмейстером из ДРП Ульманом (он играл черными) в последнем туре доми 16 ... Cc6: e2! Черные как будто бы полностью выигрывают игру, но затем математическая находчивость Смейкала оставляет сильное впечатление.

17. Kd4 - e5 Лf8 - e8 18. Kc6 - e7 Cc2: f3 19. Kc7: c6 Cf3: d1 20. Kc6: f6 Kf7: f6 21. Cc4 - d3 Cc1: e4 22. Cc5 - b7. Конечно, конечно, более благоприятно для белых в связи с их доминирующей активностью на ферзевом фланге.

22. ... Лc8 - d8 23. Cc3 - e5 Kf8 - e7 24. Cc7 - d7 Kf8: d7 25. Kc7 - d7 26. Kc7 - d7 27. Kc3 - d5! e7 - e6 28. Kc5 - e7 Лc8 - b7 29. Kc7 - e6 Kf8 - f5 30. b4 - b5 и, преодолев упорное сопротивление ладной белых, заставил его на 41-м ходу сломить оружие.

ХУДОЖНИКИ-НАРОДУ

Таков девиз Всесоюзной художественной лотереи. В этом году ей исполняется десять лет. И миллионы с лихвою произведений, что уже подарил нам лотерея, теперь добавит еще десятки тысяч. Размрываются картины, эстампы, настольная скульптура из бронзы, фарфора, дерева, ленинградский хрусталь, среднеазиатская керамика, грузинская чеканка, изделия из янтаря прибалтийских ювелиров, шкатулки Палеха и Фаберже. И все в единственном авторском экземпляре с авторской подписью.

Последний пейзаж в адрес первой художественной лотереи. Мартырос Сарьян подарил ей от всего сердца успех. С тех пор участие больших мастеров советского изобразительного искусства во всенародной лотерее красоты стало традицией. Сегодня среди ее участников Г. Миссий, Н. Ромашин, Т. Дибонская, Г. Пономарев, В. Стожаров, Г. Кавачин, И. Богданко, Э. Баллыныш...

У нынешней — пятый — художественной лотереи есть и свои отличия от предшественниц: выигравший теперь может оказаться и путника в славные склади архитектурным памятниками города Советского Союза, Болгарии, Венгрии, Польши. И еще новости: на некоторые билеты нынешней лотереи — из тех, что, пожалуй, можно назвать особенно счастливыми, — может выпасть два, три и даже четыре выигрыша. Четыре произведения искусства!

Заранее поздравляем счастливых, которых, скажем, выпадет такой выигрыш: весенний пейзаж Николая Ромашина, пушистый ковер ручной работы, вытканый закарпатскими мастерицами, и расписанные розовыми и голубыми цветами чайный фарфоровый сервиз художника В. Колосова.

Елена СТЕПАНОВА

ИЗДЕЛИЯ ДУЛЕВСКОГО ФАРФОРОВОГО ЗАВОДА. РАЗЫГРЫВАЕМЫЕ ВО ВСЕСОЮЗНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛОТЕРЕЕ.

